

МАРШРУТ ОТХОДА

ШПИОНСКИЙ РОМАН

АЛЕКСАНДР ШАЕВИЧ

Александр Шаевич Маршрут отхода

<https://litres.ru/74457134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет Лиам Вэнс живёт в горах Шотландии, чинит соседям ворота и не отвечает на звонки. Пять лет он уверен, что его сестра Майя погибла в аварии, которую кто-то очень аккуратно устроил.

Потом на его дороге появляется машина. Клэр Рид, его бывший куратор, привозит фотографии семнадцатидневной давности: Майя жива. Её держат на адриатическом побережье люди, у которых нет ни флага, ни названия — только прозвище, придуманное аналитиком для служебной записки.

Санкции нет. Операции нет. Команды нет. Есть билет в Черногорию, чужое имя и человек, который восемь лет назад умел делать такую работу лучше всех.

Чем ближе Лиам подбирается к сестре, тем очевиднее: её исчезновение не было похищением. Программа, официально закрытая в 2014 году, продолжает работать. Ради архива, спрятанного в скале, три человека в трёх странах готовы стереть друг друга — и любого, кто окажется между ними.

Холодный, выверенный шпионский роман о цене профессионализма и о том, сколько стоит одна жизнь в чужих расчётах.

Содержание

Глава первая — Пять недель погоды	4
Глава вторая	22
Одиннадцать фотографий	22
Глава третья	44
Арифметика коронера	44
Глава четвёртая	67
Двое мужчин в арендованной машине	67
Глава пятая	91
Кеннингтонский протокол	91
Глава шестая	115
Спящие статьи	115
Глава седьмая	139
Сесил-Корт	139
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Александр Шаевич

Маршрут отхода

Глава первая — Пять недель погоды

Самки оленя всё это время спускались со склона одной и той же тропой — через мокрую землю над ручьём, потом по старой торфяной дороге к берёзам. Так было с тех пор, как он здесь поселился.

Но последние пять недель они проходили на двести метров восточнее.

Лиам заметил это ещё в сентябре и списал на гон. С середины месяца на Глас-Бейнн ревели самцы, а ниже Ардврека держался здоровенный олень с одиннадцатью самками и скверным характером. В такое время стадо меняло привычные маршруты. Неделью ходило иначе, потом возвращалось обратно. Это было одним из немногих вещей в поведении оленей, на которые можно было положиться.

Гон закончился. Последний рёв Лиам слышал девятого числа.

А сегодня утром, когда в тени у стены ещё держался иней, а озеро лежало ровное и серое на все четыре мили до дороги,

самки снова спустились со склона на двести метров восточнее и пошли вдоль берёз, подняв головы.

Лиам долго наблюдал за ними из дверей сарая, держа в руке остывающую кружку.

Потом вернулся внутрь и закончил ворота.

Он делал их для Кэмеронов из Инчнадамфа — пятипекрекладинчатые, из лиственницы, взамен тех, что в августе снёс грузовик. Заготовка уже девять дней лежала на козлах: Лиам ждал каретные болты от торговца из Дингуолла, который дважды обещал доставку. Во вторник болты наконец пришли.

Он установил диагональную распорку, проверил её линейкой, потом ещё раз на глаз, поставил болты, утопил головки. Всё заняло сорок минут, и всё это время он ни о чём не думал.

Однажды Майя спросила, чем он здесь занимается.

Он рассказал.

Она выслушала его с той полной сосредоточенностью, с какой умела слушать, а потом сказала, что, насколько ей удалось установить, он проехал четыреста миль, чтобы делать ворота людям, у которых ворота уже есть.

Она стояла именно в этой комнате. Прислонилась к дверному косяку с кружкой чая — почти так же, как час назад стоял у двери он.

Она говорила совершенно серьёзно.

И одновременно смеялась над ним.

Оба эти состояния каким-то образом уживались в ней одновременно — и именно этого он никогда не мог объяснить другим.

Лиам разложил инструменты по своим местам, смёл стружку в угол и вышел.

Дом стоял на уступе примерно в трёхстах футах над озером. Позади поднимался склон, с трёх остальных сторон местность хорошо просматривалась.

Он выбрал это место не поэтому.

По крайней мере, он говорил себе, что не поэтому.

Он купил его потому, что дом стоил дёшево, а хозяин хотел завершить сделку за девять дней и не задавал никаких вопросов.

И если Лиам сразу заметил, что дорога от шоссе до дома на протяжении мили с четвертью полностью просматривается, а с уступа можно уйти пешком двумя маршрутами, не пользуясь дорогой, — то заметил это примерно так же, как обычный человек замечает цвет автомобиля.

Он пошёл вверх по склону.

Но не туда, где проходили олени.

Лиам двинулся в противоположную сторону — вдоль ручья, обогнул сзади небольшой утёс, где обычно сидели вороны, и вскоре после двух вышел на склон сверху.

Лёг в вереск, достал старый Zeiss, купленный в магазине в Дингуолле за двести сорок фунтов, и в течение часа десяти минут наблюдал за собственным домом.

Всё выглядело как положено.

Из трубы шёл дым.

Пикап стоял там, где он его оставил.

Дверь сарая была приоткрыта примерно на два фута — весной сломалась защёлка, а он так и не починил её.

Потом Лиам перевёл оптику на местность внизу и начал просматривать её участок за участком, по сетке — так, как восемнадцать лет назад его учил делать это в лесу в Хэмпшире валлиец, выкуривавший по девяносто сигарет в день и умерший в пятьдесят один.

На третьем проходе он нашёл.

В двухстах тридцати метрах восточнее оленьей тропы, на краю торфяного провала, где земля резко уходила вниз, образовался естественный навес из старого вереска и подмытого дёрна.

Место было очень хорошее.

Никакого постороннего цвета.

Никаких очертаний.

Ничего не срезано.

Из дома его не существовало.

С озера его не существовало.

А с того места, где лежал Лиам, оно выглядело как тень, которая была на два оттенка неправильнее окружающих теней и за целый час не сдвинулась вместе со светом.

Он наблюдал ещё сорок минут, чтобы убедиться, что там никого нет.

Потом спустился.

Тот, кто здесь работал, тщательно позаботился об очевидных вещах.

Никакого мусора.

Ни сигаретного пепла, ни еды, ни бумаги.

Даже мочились не ближе чем в тридцати метрах от позиции. Значит, среди бела дня отходили от укрытия, чтобы сделать это.

Значит, были уверены, что за ними никто не наблюдает.

Что было вполне справедливо.

За ними действительно никто не наблюдал.

Но с землёй они обращались менее аккуратно.

Вереск под навесом был примят на участке чуть меньше двух метров длиной и около метра шириной.

И примят давно.

Если на вереске полежать один раз, через три-четыре дня он поднимется.

Этот стал жёстким, древесным, побледнел и уже не соби-
рался распрямляться.

В двух местах локтями протёрли торф до более тёмного слоя.

А по краю провала шёл гладкий желобок шириной около четырёх дюймов — туда много раз ставили какой-то предмет, двигали, снова ставили и снова двигали.

Лиам положил локти точно в оставленные углубления, лёг и посмотрел вперёд.

Дом оказался в центре поля зрения, словно его специально туда поставили.

Дверь.

Сарай.

Дорога.

Карман внизу, где подъездная дорога выходила на шоссе.

И четыре мили самого шоссе — на запад к Лохинверу и на восток к повороту на Инчнадамф.

Отсюда можно было заранее увидеть любую машину, входящую в долину.

Отсюда её увидели бы раньше, чем он.

Лиам лежал и постепенно позволял себе осознать масштаб происходящего.

Пять недель.

Возможно, шесть.

Впервые он обратил внимание на поведение оленей двенадцатого или тринадцатого сентября, а уже тогда они отклонялись от привычной тропы.

Значит, всё началось раньше.

Пусть будет сорок дней.

Сорок дней человек лежал локтями в мокрой земле в трёхстах метрах от его двери и смотрел, как он носит воду, колет дрова, ездит по четвергам в Лохинвер за почтой и дизелем.

Сорок дней — это не наблюдение, необходимое для принятия решения.

Никто не лежит сорок дней на склоне в Сазерленде в октябре только ради того, чтобы узнать, где живёт человек.

Это можно выяснить за один день.

Сорок дней — это наблюдение ради закономерности.

Кому-то понадобилась его неделя.

Лиам поднялся, тщательно стряхнул торф с куртки — так, как человек делает это, когда уверен, что никто его не видит, — и отправился выяснять, где они оставляли машину.

На это ушло до половины шестого.

В пределах видимости от наблюдательного поста автомобилей не было. В радиусе мили — тоже.

Лесные посадки над Ледбегом находились слишком далеко и по другую сторону водораздела: два с половиной часа пешком в одну сторону, причём и туда, и обратно пришлось бы идти в темноте.

Карманами на А837 пользоваться нельзя — машина, стоявшая там три дня, через неделю заинтересовала бы кого-нибудь из местных, а через две — работников поместья.

Оставалась зелёная грунтовка к загону для овец выше Лох-Эйв. Ею пользовались пастухи. На въезде стояли ворота.

Лиам сначала исключил этот вариант.

Потом вернулся к нему.

На воротах была цепь с вертлюгом — такая, которую люди дважды обматывают вокруг столба, но никогда не запирают.

Цепь была обмотана дважды.

А по земле за воротами ездили чаще, чем ездят пастухи.
Лиам прошёл по грунтовке около четверти мили.
За загоном дорога расширилась.

Там под ясенем, вплотную к откосу, стоял тёмно-синий универсал Skoda Octavia — с номерными знаками, держателем налогового диска прокатной компании на лобовом стекле и четырьмя днями берёзовых листьев на крыше.

Лиам некоторое время смотрел на машину с тридцати метров.

Потом подошёл и забрался назад.

Машина была не заперта.

Никто не запирает автомобиль там, где запертый автомобиль становится единственным предметом, заслуживающим внимания.

Он сдвинул сиденье вперёд, устроился за ним и стал ждать.

В десять минут седьмого свет ушёл с вершины Каниспа.

После этого темнело быстро.

В восемнадцать минут седьмого он услышал человека.

Тот плохо спускался по тропе: ботинки били по камням, дыхание было тяжёлым — так дышит человек, который несёт больше, чем ему хотелось бы.

На мгновение вспыхнул свет, прошёл по салону машины и исчез.

Лиам опустил лицо и не двигался.

Открылась задняя дверь.

В багажник положили что-то тяжёлое.

Дважды прошла молния.

Дверь закрылась.

Открылась водительская.

Человек сел, поставил термос в подстаканник, телефон — в держатель, закрыл дверь и шумно выдохнул сквозь зубы.

К этому моменту левая ладонь Лиам уже лежала у него на макушке, а правое предплечье проходило поперёк горла, локтем вверх.

Но Лиам не давил.

Человек застыл.

— Вам захочется попробовать вырваться, — сказал Лиам.
— Не надо. Это не захват. Это демонстрация. Если я потяну, у вас будет примерно четыре секунды, а потом возникнет проблема, из которой вы уже не вернётесь. Кивните, если понятно.

Тот кивнул.

— Руки на руль. Обе. Вот так.

Руки легли на руль.

Мужчина очень быстро дышал носом.

— Как вас зовут?

— Росс.

— Росс как?

— Росс Нейсмит.

— Откуда вы, Росс?

— Из Рединга. Я из Рединга. Слушай, приятель...

— Не надо. Просто отвечайте. И не называйте меня приятелем.

Лиам ослабил предплечье примерно на четверть дюйма.

Этого оказалось достаточно, чтобы мужчина почувствовал разницу.

— Сколько времени вы провели на этом склоне?

— Я не...

— Знаете. Работаете три дня, потом четыре отдыха. Приехали в понедельник. Сегодня ваша последняя ночь в этой смене, утром собирались ехать в Инвернесс и к двум часам уже быть в самолёте. Сколько смен, Росс?

Молчание продолжалось секунд шесть.

Лиам не торопил.

— Шесть, — сказал мужчина.

— Шесть.

— Да.

— Первый день первой смены?

— Я не... Господи. Это была среда. Последняя среда...

— Дата.

— Двадцать восьмое августа.

Он сглотнул, упираясь горлом в предплечье.

— Двадцать восьмое.

Лиам произвёл расчёт.

Тридцать восемь дней непосредственно на месте.

Шестьдесят — с начала операции.

Он запомнил цифры и отложил их в сторону.

— Кто проводил инструктаж?

— Никто. Приходит номер задания. В приложении. Координаты, график, адрес для загрузки. В конце каждой смены отправляю материал, через одиннадцать дней приходят деньги. Всё. Это всё. Я вообще никогда в жизни ни с кем лично об этом не разговаривал.

— Кто платит?

— Компания в Рединге. Meridian... нет. Merrow. Merrow Technical Services. Они посредники, они не... Там человек девять. В основном страховые дела. Разводы. Мошенничество. Фиктивные больничные.

— И это показалось вам страховым делом?

— Мне показались координаты и сорок один день по триста восемьдесят фунтов в сутки.

В голосе появилась небольшая трещина — почти достоинство.

— У меня ребёнок.

— Что вы им отправили?

— Журнал передвижений. Машины, время, направление. Фотографии дома и машины, номер. Ваши фотографии с расстояния. Ещё...

Он замолчал.

— Ещё что?

— Им понадобилось внутри сарая. На третьей смене. Дважды настаивали. Я сказал, что туда не попасть, не заходя на участок, и они отстали.

— Вы заходили на участок?

— Нет.

— Росс.

— Нет. Клянусь Богом. Один раз дошёл до ворот внизу вашей дороги — посмотреть имя на почтовом ящике. Он был пустой, я развернулся и ушёл обратно. Ближе не подходил. Можете посмотреть материалы. Всё на диске, в сумке. Можете проверить каждый кадр.

— Проверю, — сказал Лиам.

С сумкой он провозился сорок минут.

Две камеры — хороший Nikon с пятисотмиллиметровым объективом и ещё одна, поменьше, с зумом. Тепловизионный монокуляр. Приличная зрительная труба. Три внешних аккумулятора. Коврик. Ноутбук с зашифрованным разделом, который Нейсмит открыл сам — просить второй раз не пришлось.

Материалы полностью соответствовали его словам.

Работа была аккуратной.

Четыреста шестьдесят фотографий мужчины лет сорока с небольшим: колет дрова, несёт ёмкость с водой от родника у верховья ручья, грузит ворота в пикап, стоит в дверях с кружкой.

И таблица, согласно которой тот же мужчина по четвергам ездит в Лохинвер, в последнюю пятницу месяца — в Инчнадамф, а в остальные дни за тридцать восемь суток вообще никуда не выезжает.

Лиам дважды перечитал таблицу.

Эту жизнь действительно было нетрудно изучить.

В том-то и заключался её смысл.

Он сам построил неделю из минимально возможного количества движущихся частей и пять лет говорил себе, что это называется покоем.

А теперь вся его жизнь лежала на чужом ноутбуке в двенадцати строках и четырёх столбцах.

И человеку из Рединга на арендованной машине понадобилось тридцать восемь дней, чтобы собрать её целиком.

Лиам скопировал диск на карту памяти и положил её в нагрудный карман.

— Со мной всё будет в порядке? — спросил Нейсмит.

Лиам посмотрел ему в затылок.

Это было бы просто.

Мысль возникла первой, раньше всех остальных, с ровной ясностью маршрута на карте.

Это было бы просто.

И исчез бы единственный человек на земле, способный описать его.

Это дало бы ему необходимые семьдесят два часа.

А в двухстах метрах выше загона находился торфяной провал глубиной восемь футов, где никто не добывал торф с 1974 года.

Он удерживал эту мысль примерно три секунды.

Она не воспринималась как искушение.

Скорее как информация о самом себе, которая всё это время лежала где-то внутри, ожидая проверки, — как фонарик в ящике стола.

— Сегодня вы едете в Инвернесс, — сказал Лиам. — Не утром. Сейчас. До Континента не останавливаетесь, кроме заправки. Машину оставляете в аэропорту и садитесь на первый самолёт, который летит куда угодно на юг. Когда приземлитесь, заходите в приложение и сообщаете: объект исчез к вашему возвращению на смену, дом пуст, машины нет. Загружаете уже имеющийся материал и ничего больше. Потом удаляете приложение и выставляете счёт. Если не заплатят — забудьте о деньгах.

— Они поймут, что я...

— Они ничего не поймут. Вы подрядчик, который потерял объект стационарного наблюдения и уехал домой. Такое происходит сорок раз в год.

Лиам слегка наклонился вперёд.

— Росс. Посмотрите на меня в зеркало. Вот так. Если скажете им что-нибудь ещё, они не придут с вами разговаривать. Вы понимаете, что я вам говорю?

Глаза мужчины в зеркале были очень широко раскрыты, но взгляд оставался устойчивым.

Лиам подумал, что Росс умнее, чем он предполагал.

— Да.

— Тогда всё.

Он забрал два телефона, ноутбук и зрительную трубу.

Камеры оставил.

Это была сентиментальность, и он это понимал.

Лиам вышел и отошёл от двери.

Через мгновение двигатель завёлся.

— Можно спросить, чем вы занимались? — спросил Ней-смит через окно.

— Нет.

Skoda спустилась по грунтовке без фар. У ворот водитель включил свет и повернул на восток.

Лиам долго наблюдал, как отблеск фар движется вдоль дороги, проходит озеро, руины Ардврека, затем исчезает в темноте за поворотом на Инчнадамф.

Дорога снова стала совершенно пустой.

Он остался стоять в темноте под ясенем.

За день ветер повернул на северо-запад.

Теперь он нёс дождь — мелкий, холодный, летящий почти горизонтально и способный не прекращаться три дня подряд.

Над загоном облака опустились на Глас-Бейнн и скрыли вершину.

Он разговаривал с этим человеком почти час.

Возможно, минут сорок действительно были необходимы.

Лиам обдумал эту мысль.

Ему не понравилось, куда она ведёт.

Поэтому он перестал её обдумывать.

Сорок дней.

Кто-то потратил сорок дней и — при ставке триста восемьдесят фунтов в сутки плюс аренда автомобиля, авиабилеты и комиссия посредника — около двадцати пяти тысяч фунтов на то, чтобы выяснить, что человек в Ассинте по четвергам покупает дизель.

Вот это никак не укладывалось.

Никто не тратит двадцать пять тысяч фунтов и сорок дней, чтобы найти человека.

Его можно найти за одно утро, не вставая из-за стола.

А если после этого требуется, чтобы он вообще перестал где-либо существовать, посылают двух человек и машину.

Через неделю всё закончено.

Цена — четыре тысячи.

Они не искали его.

Они знали, где он находится.

Последние шесть недель они терпеливо и дорого наблюдали за человеком, которого уже нашли.

И составляли картину его недели.

Так поступают, когда решение ещё не принято.

Или когда решение уже принято, но ждут чего-то определённого и хотят точно знать, как добраться до человека в нужный день.

Лиам пошёл вниз по тропе.

До ворот оставалось минуты три-четыре. Он быстро двигался в темноте по хорошо знакомой земле. Дождь хлестал поперёк склона, ноутбук лежал под курткой.

И тут во внутреннем кармане зазвонил телефон.

Лиам остановился.

Старый аппарат.

Без контракта.

Без контактов.

С него никогда не совершали ни одного звонка.

Он носил его в куртке потому, что на всей его земле было ровно два места, где вообще ловилась сеть, и верх этой дороги был одним из них.

Пять лет он говорил себе, что носит этот телефон по привычке.

Что эта привычка — всего лишь профессиональная гигиена.

Что человек в его положении должен иметь линию, о которой никто не знает.

Никто её не знал.

Он никому не давал этот номер.

Да и давать его больше было некому.

Телефон прозвонил четыре раза, освещая экраном дождь перед его лицом.

Потом пятый.

Лиам стоял на склоне в Сазерленде, в темноте, смотрел на незнакомый номер и понимал — с чувством, которое не было ни страхом, ни удивлением и которое двигалось к нему через воду все эти сорок дней, —
сегодня наблюдение не прекратилось.

Оно закончилось.

Он ответил.

Глава вторая

Одиннадцать фотографий

— Лиам, — сказала она. — Не клади трубку.

Дождь шёл поперёк склона, перелетал через него и уходил дальше, вниз по долине.

— Я внизу, у начала твоей дороги, — сказала Клэр. — Я здесь с половины пятого. Сейчас включу свет в салоне, чтобы ты увидел: в машине больше никого нет. Потом оставлю машину здесь и пойду пешком. Мне понадобится минут двадцать пять — дорога плохая. Вот и всё. Больше ничего.

Он молчал.

— Скажи что-нибудь, иначе я решу, что связь пропала, и всё равно пойду.

— Откуда у тебя этот номер?

— Ты знаешь откуда.

Он действительно знал.

Лиам стоял под дождём и проделал короткий расчёт. Результат получился ясным и неприятным.

Человек, лежавший локтями в торфяной яме. Шесть смен. Три дня работы, четыре отдыха. Последняя смена заканчивается сегодня.

Не заканчивается.

Завершается.

Кто-то рассчитал наблюдение так, чтобы оно прекратилось ровно в тот момент, когда другой человек начнёт подниматься по дороге к дому.

И единственная причина, по которой эти два события не произошли в один и тот же час, заключалась в том, что олени стали спускаться со склона не своей обычной тропой.

А Лиам оказался человеком, который это заметил.

— Двадцать пять минут, — сказал он.

Убрал телефон в карман и пошёл вниз.

К тому времени, когда она миновала вторую решётку для скота, он уже был у сарая.

Всю дорогу Лиам наблюдал за ней через Zeiss из темноты дверного проёма.

Она даже не пыталась выглядеть кем-то ещё.

Просто женщина в дождевике, идущая по дороге с фонариком, луч которого направлен себе под ноги.

Не доходя двенадцати футов до света, она остановилась, выключила фонарь и развела руки в стороны.

— Ну давай, — сказала она.

Он обыскал её как следует.

Сначала пальто. Потом швы. Потом обувь — и это оказались вовсе не ботинки. Обычные чёрные городские туфли, насквозь промокшие. Брюки до колен потемнели от воды и, судя по всему, уже давно.

Когда ему требовалось, чтобы она повернулась, Клэр по-

ворачивалась без просьбы.

Когда нужно было стоять неподвижно — стояла.

Закончив, она опустила руки, посмотрела на него и сказала:

— Ты похудел.

— Сумку.

Она отдала ему сумку.

Мягкая кожаная, с когда-то отремонтированным ремнём.

Внутри — телефон, ключ от машины, очки для чтения в футляре, бумажный пакет из аптеки в Уллапуле с четырьмя таблетками ибупрофена и плотный коричневый конверт.

Не запечатанный.

— Всё, — сказала она. — Больше ничего нет. Оружия тоже. И ты захочешь ещё раз проверить поясницу, потому что первый раз сделал это слишком быстро.

Он проверил.

Она была права.

Первый раз он действительно поспешил.

— Заходи.

Клэр вошла и осталась стоять у двери.

Не села.

Не стала осматриваться.

Это было самым профессиональным из всего, что она могла сделать, и одновременно, понял Лиам, своего рода проявлением доброты.

Один стул, на котором лежала куртка. Стол. Печь. В даль-

нем углу — кровать за незадёрнутой занавеской.

На стенах — ничего.

— Сними пальто. Ты насквозь промокла.

— Под ним тоже насквозь.

Но пальто она сняла, повесила на дверь и осталась в сером свитере.

Волосы прилипли к голове.

На одной штанине полоса торфа — где-то по дороге она упала и не сочла нужным упомянуть об этом.

Теперь ей было почти пятьдесят.

На висках появилась седина, с которой она не пыталась бороться.

Очки для чтения оказались у неё в руке — она достала их из сумки, даже не заметив этого.

Лиам положил на стол скопированную карту памяти.

Ничего не сказал.

Отступил и оставил её лежать в свете лампы.

Клэр несколько секунд смотрела на карту.

— Росс Нейсмит.

— Да.

— Он не пострадал?

— Едет в Инвернесс.

— Хорошо.

Она выдохнула.

— Это хорошо. Он никто. Человек, который фотографирует людей, заявляющих страховой компании, что у них

больная спина.

— Он провёл на моём склоне тридцать восемь дней.

— Шестьдесят один, если считать перерывы.

Она сказала это спокойно — ничего не выдавая, но и ничего не скрывая. Она всегда так умела, и Лиам успел забыть точное ощущение от этого.

— Merrow выставляет счёт через посредника в Слау, посредник — через страховую компанию, а когда всё доходит до меня, остаются четыре строки расходов без каких-либо пояснений. Никто в Merrow не знает твоего имени. И никто в Merrow не знает моего.

— Ты установила за мной наблюдение.

— Я установила за тобой наблюдение.

— На два месяца.

— На два месяца. Да. Можешь спросить зачем. Я отвечу, и ответ тебе не понравится. Поэтому, возможно, тебе лучше сначала сесть. Потому что я сама хотела бы сесть, а пока ты стоишь, я этого делать не буду.

Он вытащил стул, развернул и сел на подлокотник.

Через мгновение Клэр села за стол.

— Две причины, — сказала она. — Во-первых, мне нужно было понять, не наблюдает ли за тобой кто-нибудь ещё. На это ушло пять недель. Ответ — нет. Во всяком случае, по состоянию на понедельник. Во-вторых, мне нужно было понять, что осталось.

— От чего?

— От тебя.

Она положила очки на стол и посмотрела на него.

— Я не собиралась приходить сюда с тем, что лежит в этом конверте, и класть это перед человеком, который уже не способен такое вынести. Если бы из отчётов Нейсмита следовало, что ты пьёшь, или две недели не выходишь из дома, или вообще перестал что-либо делать, я бы развернулась и уехала. Ты никогда не узнал бы, что вообще было что узнавать. И я хочу, чтобы ты понял: такой вариант действительно существовал. Это не была формальность.

— И?

— Ты встаёшь в шесть. Час колешь дрова. Носишь воду четырёхста метров вверх по склону вместо того, чтобы поставить насос, потому что насос может сломаться, а тогда придётся вызывать человека, чтобы его чинить. За четырнадцать месяцев ты сделал сорок одни ворота.

Она говорила совершенно без теплоты.

И именно поэтому он понял.

— Ты в отличной форме. Ты построил себе клетку и уже пять лет очень аккуратно в ней сидишь. Вот что осталось.

Лиам посмотрел на карту памяти.

— Можно было просто постучать.

— В сентябре я могла постучать, — согласилась Клэр. — И через четыре часа ты был бы где-нибудь на склоне в Кэрн-гормсе, а я потом девять месяцев снова тебя искала бы. У меня нет девяти месяцев.

Она не потянулась к конверту.

Просто сидела, положив ладони на стол по обе стороны от него, и ждала.

Лиам понял: она заставляет его спросить.

И делает это не ради эффекта.

Просто то, что находилось внутри, предстояло взять ему самому.

И если он возьмёт, она уже не сможет забрать это обратно.

— Сначала скажи.

— Что сказать?

— Ту фразу, ради которой приехала. Лучше я услышу её стоя.

Клэр слегка кивнула, словно он ответил на вопрос, ответа на который она действительно не знала.

— Майя жива.

Он услышал.

Услышал форму этих слов.

Их порядок.

Намеренную бесцветность, с которой Клэр их произнесла.

И ничего не произошло.

Как будто ему сообщили какой-то факт о стране, в которой он никогда не бывал.

— Нет, — сказал он.

— Знаю.

— Клэр...

— Знаю, Лиам. Я прекрасно понимаю, что только что ска-

зала. И понимаю, чего тебе это стоит. Второй раз я этого повторять не буду.

Она развернула конверт и подвинула его к нему на два дюйма.

— Здесь одиннадцать фотографий. Девять сделаны два года назад. Большинство ты видел — или видел похожие. Они здесь для того, чтобы ты мог сравнить с ними последние две. Если бы я принесла только эти две, ты имел бы полное право выставить меня за дверь. Не торопись. Я никуда не уйду. Пока будешь смотреть, я ничего говорить не стану.

Он долго не двигался.

Потом взял конверт, перенёс на другой край стола, ближе к лампе, сел нормально и достал фотографии.

Сначала девять.

Он рассматривал их медленно, потому что медлительность была сейчас единственной доступной ему дисциплиной.

И он слишком хорошо чувствовал, что произойдёт, если её отпустить.

Фотография для пропуска в Thornbury — на сером фоне, волосы короче, чем он помнил, подбородок слегка поднят: так бывало, когда Майя считала происходящее нелепостью.

Восемь человек в ярких сигнальных жилетах на парковке, позади временный офисный вагончик.

Две фотографии с какого-то рождественского корпоратива — бумажные шапочки, мужчина смеётся над чем-то за

пределами кадра.

Майя за кафедрой, лазерная указка в правой руке.

Ещё одна — в коридоре, в профиль, посреди разговора, размытая.

Большинства этих снимков он раньше не видел.

Перед ним была женщина, которая семь лет прожила жизнью, о которой он почти ничего не знал, в зданиях, куда он никогда не входил.

Хуже всего оказался снимок в коридоре.

Она разговаривала с кем-то, полностью поглощённая разговором, и на лице было то самое выражение, которое появлялось у неё за кухонным столом, когда она собиралась сообщить собеседнику, что его рассуждения сентиментальны.

Лиам разложил фотографии в ряд.

Потом прошёл по ним ещё раз — теперь уже выискивая то, что можно использовать.

Рост относительно дверных проёмов.

Линия плеч.

Вес.

Волосы.

Положение головы.

— Ты в порядке? — спросила Клэр.

— Не надо.

— Хорошо.

Он достал последние две фотографии.

Сняты длиннофокусным объективом.

Качество не блестящее.

Фотограф находился далеко и чуть выше объекта, снимал против слишком жёсткого света. В тених появилось зерно, ближний край кадра был нерезким.

На обоих снимках — гравийный двор шириной примерно пятнадцать метров.

Слева — стена из тёсаного известняка с шестью закрытыми ставнями.

Справа — три кипариса в ряд и четвёртый чуть дальше. Наверху часть парапета.

За ним — не в фокусе — серовато-белая дымка.

Море или небо.

Судя по тому, как на ней лежал свет, всё-таки море.

Женщина идёт через двор справа налево.

Мужчина в трёх футах позади.

Второй — на шаг левее её плеча.

На первом кадре она поймана в движении, отвернувшись от камеры примерно на три четверти.

На втором, сделанном, возможно, через полторы секунды, она начала поворачивать голову к чему-то слева за пределами кадра.

Видна примерно треть лица.

Лиам положил снимки рядом под лампой.

Не прикасался к ним.

— Даты.

— Оба кадра из одной серии. Семнадцать дней назад.

— Кто утверждает?

— Файл. И свет, если хочешь проверить как следует. А ты должен.

Клэр слегка откинулась назад.

— Проверяй.

Он проверил как следует.

Тени от кипарисов падали под небольшим углом и далеко тянулись по гравию на восток.

Поздний день.

Угол тени относительно стены показывал, что солнце уже значительно южнее запада.

Все четыре кипариса были зелёными, но они остались бы такими и в январе, поэтому это ничего не давало.

Зато оба мужчины позади женщины были в рубашках без пиджаков. На ней самой — рубашка с длинными рукавами, тоже без верхней одежды. У мужчины слева солнечные очки сдвинуты на голову.

Не лето.

Не зима.

Место с резким светом и тёплым воздухом в третью неделю октября.

Под это описание подходила большая часть побережья длиной в тысячу восемьсот миль.

Известняк старый, обработанный, уложен ровными рядами.

Ставни жалюзийные, серые.

Краска на всех шести облупилась одинаково.

На парапете — каменный карниз с фигурным выступом, который Лиам в двадцать с небольшим видел десять тысяч раз на неправильной стороне Адриатики.

— Ты знаешь, где это.

— Я знаю, что это частное поместье. И знаю, что находится оно в стране, которая ничего с этим делать не станет. Названия здания у меня нет, и придумывать его ради тебя я не собираюсь.

— Координаты есть.

— Есть регион. Если бы у меня были координаты, я бы сейчас не сидела в Сазерленде.

Без раздражения.

— Это правда. И это единственная причина, по которой я здесь. Так что можешь узнать её сразу.

Он вернулся к фотографиям.

Искал стык.

Он знал, что именно ищет.

Четыре года своей жизни он рассматривал материалы, которые не снимали, а собирали, и к этим фотографиям подошёл так же, как подошёл бы к материалам противника.

Зерно по всему кадру одинаковое.

И именно такое, какое должно давать сочетание этого объектива и такого света.

Гравий под выставленной вперёд ногой женщины смещён. Несколько камешков отлетели перед носком.

Её тень лежит на земле.

Правильной длины.

Правильного направления.

С правильной мягкостью по краям.

У теней двух мужчин — то же самое.

А там, где её тень пересекается с тенью ближайшего мужчины, происходит именно то, что происходит с настоящими тенями и почти никогда не получается ни с чем другим.

На втором снимке ближний кипарис сместился.

Ветер.

Тот же ветер треплет выбившиеся волосы у её виска.

Оба движения совпадают.

Второй кадр размыт именно так, как размывается движущийся объект при недостаточно короткой выдержке.

Такое трудно подделать.

И легко заметить, если кто-то попытался.

Лиам стал искать двойника.

Рост относительно мужчины позади совпадал с точностью примерно до дюйма.

Плечи казались слишком узкими.

На секунду.

Потом он взял фотографию из коридора и положил рядом.

Нет.

Не слишком узкие.

Те же самые.

Просто она потеряла фунтов девять или десять с тела, ко-

торому и прежде нечего было терять.

Волосы стали длиннее, собраны сзади.

Спереди больше седины, чем должно быть у женщины тридцати пяти лет.

Посадка головы — её.

Посадка головы была её.

Но Лиам этого не принял.

Потому что манеру держать голову можно натренировать за один день.

Он положил второй снимок обратно.

— Тебе дали два.

— Да.

— Почему два?

— Потому что я попросила серию. Так выглядит серия, когда фотограф далеко и у него девять секунд.

— Нет. Почему они вообще тебе что-то дали?

Он впервые за двадцать минут посмотрел на неё.

— Вот именно это сделал бы я. Именно такие фотографии положил бы перед человеком, от которого мне что-то нужно. Два кадра. На одном она отвернулась на три четверти, на другом видна треть лица. Всё можно отрицать. И одновременно достаточно, чтобы зацепить. Если бы я хотел заставить человека куда-нибудь отправиться, дал бы ему именно это. А хороший снимок придержал бы.

Клэр ответила не сразу.

И когда ответила, не стала спорить.

— Справедливое замечание. Я сама себе его задавала. Опровергнуть не могу. Могу только сказать, что фотографии у меня семнадцать дней и почти всё это время я пыталась их разрушить. Не смогла. Человек, который их передал, — вовсе не тот, кого я назвала бы своим другом, и у него нет ни одной земной причины заставлять тебя куда-либо ехать. Это всё, что у меня есть. Если решишь, что это конструкция, решение будет профессионально обоснованным. Я спорить не стану и сегодня же увезу фотографии обратно.

— Но ты не считаешь их подделкой.

— Нет, — сказала Клэр. — Не считаю.

Лиам положил фотографии, встал и подошёл к окну.

За стеклом ничего не было.

Только дождь и отражение лампы.

Двадцать два месяца.

В январе он ездил в Хексем.

Сидел в комнате напротив сотрудника коронерской службы, который разговаривал с ним профессионально-добрым голосом.

Читал документ, где дважды встречалась фраза «признаков участия третьих лиц не обнаружено».

Что-то подписал.

Потом поехал на север, остановился в кармане дороги возле Джедборо и просидел там до рассвета.

На этом документе он построил последние два года.

Не на горе.

Горе можно пережить.

Какую-то его разновидность он пережил.

Он построил всё на **факте**.

Факт был полом.

На факте можно стоять.

— Я хочу, чтобы ты забрала фотографии.

— Знаю.

— Я не упрямлюсь.

— Я прекрасно понимаю, что ты делаешь, — сказала Клэр. — И это не упрямство.

— Если я это подниму и окажется, что всё неправда...

Он замолчал.

Смотрел в чёрное стекло.

— Если это неправда, я уже не смогу положить всё обратно.

— Нет. Не сможешь.

— Тогда заberi их.

— Не заберу. И ты не просишь меня об этом.

Она долго молчала.

— Есть один проект, — наконец сказала Клэр. — У него было обозначение. Zero Point. Я произнесу его один раз и сегодня больше предпочла бы не повторять. Чем больше расскажу, тем больше тебе придётся носить в голове. Это тебе не поможет. А убить может.

— Что это?

— Старый проект. Наш. Одиннадцать лет назад он должен

был закончиться.

Клэр перевернула очки на столе.

— Не закончился. Последняя работа Майи в Thornbury задела его краем. Она не понимала, чего коснулась. Сделала всё правильно: описала обнаруженное и отправила по официальному каналу. И именно официальный канал — причина того, что сейчас она находится во дворе в какой-то тёплой стране, а не на кладбище возле Хексема.

— Кто её держит?

— Группа людей. Некоторые раньше работали у нас. Некоторые — у американцев. Некоторые вообще никогда ни на кого не работали. Это не государство. И не преступная организация. У них нет ни флага, ни названия.

Следующую фразу она произнесла почти извиняющимся тоном.

— Есть прозвище. Те, кто вообще о них говорит, называют их Iron Net. Звучит как название из дешёвого романа, я знаю. Но меня это давно перестало беспокоить. Я видела, что происходит с расследованиями, когда они подходят к ним слишком близко.

— Зачем им криптограф?

— Вот этот вопрос и держи в голове, — сказала Клэр. — Он главный. И ответа у меня нет. Есть только часть ответа. Если бы им понадобилось то, что находится у неё в голове, они получили бы это недели за две.

И закончили бы.

Но они не закончили.

Прошло двадцать два месяца.

Лиам не повернулся от окна.

— Майя когда-нибудь тебе что-нибудь присылала? — спросила Клэр.

— Что?

— Что угодно. Письмо. Посылку. Накопитель. Связку ключей. Она что-нибудь оставила здесь, когда приезжала? Ты говорил, что она однажды приезжала.

— Я этого не говорил.

— Ты сказал это в 2019-м на парковке в Честерфилде. И выглядел довольным. Я запомнила, потому что ты никогда ничем не бывал доволен.

Он постоял ещё немного.

— Нет. Ничего не присылала. Прислала сообщение про мошкору. Больше сюда не приезжала.

— Хорошо.

— Она ранена?

Клэр помолчала.

— Не знаю.

Она ушла вскоре после десяти.

Отказалась ехать к дороге на пикапе.

Фонарь тоже не взяла: человек с фонарём, спускающийся по дороге, сообщит всей долине, сколько времени он где-то провёл и откуда вышел.

Клэр сказала это в дверях совершенно будничным тоном.

Потом слышала саму себя — здесь, в его доме, объясняющую это ему, — и замолчала.

— Извини.

— Всё нормально.

— Нет. Ты забыл меньше, чем я.

Она надела пальто.

— Фотографии остаются. Все одиннадцать. Под солью номер. Он будет действовать одиннадцать дней. Потом перестанет. Не звони с расстояния меньше сорока миль отсюда.

— Клэр.

Она ждала.

Лиам понял, что нужной фразы у него нет.

А она будет стоять в дверях в мокром пальто, пока он либо не найдёт её, либо окончательно не поймёт, что её нет.

И облегчать ему задачу Клэр не станет.

И это было проявлением привязанности, а не её отсутствием.

— Ничего, — сказал он.

— Нет, — согласилась она. — Ну что ж.

Она один раз, коротко, коснулась его руки выше локтя.

Потом вышла под дождь и без фонаря пошла вниз.

Лиам остался в дверях и ещё четыре или пять минут слушал её шаги.

После второй решётки для скота он уже ничего не слышал.

Так и должно было быть.

Он отметил это.

Два часа Лиам не прикасался к фотографиям.

Почистил печь.

Наполнил ёмкость водой на утро.

Сел за ноутбук и второй раз просмотрел материалы Ней-смита.

Все четыреста шестьдесят кадров.

Ничего нового не нашёл.

Он и до начала знал, что не найдёт.

Потом снял лампу с полки, поставил на стол, сел и снова положил два снимка рядом.

В третий раз.

Он ничего не искал.

Именно об этом впоследствии он будет вспоминать — в разные часы, в разных местах.

О том, что перестал работать.

Просто смотрел на сестру, идущую через двор.

И именно тогда, когда он уже ни от чего не защищался, это пробралось внутрь.

Её левая рука не двигалась.

Правая двигалась так, как двигается рука человека при ходьбе: вперёд, назад, снова вперёд. На втором снимке она вышла вперёд вместе с шагом.

Левая оставалась у бедра, полусжатая.

Запястье чуть развёрнуто так, что тыльная сторона кисти смотрела немного вперёд, а не внутрь.

Между двумя кадрами рука вообще не изменила положения.

Когда Майе было одиннадцать, она свалилась с верхушки стены за школой в Киркби.

Выставила руку — потому что именно это человек и делает.

Сломала четвёртую и пятую кости с этой стороны.

В больнице, которую в том году закрывали, их сложили плохо.

Весной пришлось ломать и вправлять заново уже в другой.

Почти две четверти она проходила в гипсе и использовала его главным образом как средство освобождения от физкультуры.

Потом рука работала нормально.

Делала всё, что должна делать рука.

Только перестала раскачиваться при ходьбе.

Майя этого никогда не замечала.

Их мать не замечала.

Ни один из её мужчин за двадцать лет не заметил.

Лиам заметил.

Ему было семнадцать.

Они шли вверх по склону где-то в Камбрии, он шёл позади неё и увидел.

И ни разу ей об этом не сказал.

Потому что ему было семнадцать, ей одиннадцать, и го-

ворить было не о чем.

Можно создать женщину.

Найти женщину нужного роста.

Одеть её.

Заставить похудеть.

Поставить во дворе за тысячу восемьсот миль отсюда.

Снять с четырёхсот метров при плохом свете длиннофокусным объективом.

Но это создать нельзя.

Лиам сидел за столом.

Горела лампа.

За окном дождь шёл поперёк стекла.

Его ладони лежали на столе по обе стороны от двух фотографий.

Он не двигался.

И вдруг понял — полностью, мгновенно, словно понимание пришло к нему издалека:

пола, на котором он стоял последние двадцать два месяца, уже давно не существовало.

Глава третья

Арифметика коронера

Он ехал на юг всю ночь и въехал в Нортумберленд в сером предрассветном свете, включив отопление и приоткрыв окно на два дюйма.

К водохранилищу добрался немного после восьми.

Он никогда здесь не был.

Все двадцать два месяца Лиам знал это о себе и ни разу не произнёс вслух.

Дорога шла вдоль северного берега под лесом — по одной полосе в каждую сторону, с карманами для разъезда, обрывками белой краевой линии и небольшим спуском через папоротник к воде слева.

Вода была ровная, тёмная и тянулась на две мили до линии деревьев, наполовину скрытой облаком.

На стоянке для посетителей у Тауэр-Ноу стояли три машины. Мужчина в светоотражающем жилете опустошал мусорную корзину.

Последняя неделя октября. Вторник.

На дороге — никого.

Лиам оставил машину у въезда в лес и прошёл пешком полторы мили.

Координаты из дела указывали на левый поворот в тысяче ста метрах восточнее развилки Уикхоуп.

Он нашёл поворот и долго стоял посреди дороги, рассматривая его.

Если ехать с запада, сюдаходишь примерно на сорока.

Со стороны поворота оставалось около четырёх метров обочины, потом неглубокая лесная канава — сейчас сухая, — затем полоса грубой травы и пни, возвышавшиеся примерно на восемнадцать дюймов, а уже за ними земля уходила вниз.

Лиам спустился через папоротник к воде и поднялся обратно.

Потом повторил.

Машина, съехавшая здесь с дороги на сорока, сначала попала бы левыми колёсами в канаву, потом села бы картером на берег.

И остановилась.

Очень грязно, но остановилась бы.

А через четыре минуты на дороге уже стоял бы кто-нибудь с телефоном: лесовозы проходили здесь в половине седьмого утра.

В трёхстах сорока метрах восточнее был карман для разъезда, вырезанный прямо в обочине.

Там асфальт сразу переходил в восьмифутовую стену папоротника, а дальше — глубокая вода.

Ни канавы.

Ни земляного вала.

Машина, ушедшая там с дороги, не остановилась бы.

Лиам некоторое время стоял в кармане, засунув руки в карманы куртки.

Потом записал наблюдение в блокнот.

И не придал ему никакого значения.

Координаты в материалах коронера обычно ставит полицейский, стоящий ночью на дороге с навигатором. Они довольно часто ошибаются на несколько сотен метров.

А человек, который заранее ищет определённый ответ, может пройти милю по нортумберлендской дороге, найти место, где машина могла бы красивее уйти в воду, и почувствовать себя умным.

Это не доказательство.

Это человек с лопатой, который сам выбирает, где копать.

Лиам вернулся к машине и поехал в Хексем.

Офис коронера располагался в пристройке со стороны парковки к зданию, которое раньше служило чему-то другому.

Женщине за стойкой было лет шестьдесят. Очки для чтения висели на цепочке. Нортумберлендский акцент был настолько мягким, что Лиаму пришлось наклоняться ближе.

Её звали Гейл Моубрей.

Она его помнила.

— Мистер Вэнс, — сказала она и прикрыла рот ладонью.

— Ох.

— Миссис Моубрей.

— Гейл. Вы называли меня Гейл.

Она вышла из-за стойки.

Этого он не ожидал.

И не хотел.

— Вы приходили четырнадцатого января. Как раз были те морозы. Вы были без перчаток. Я сделала вам чай, а вы даже не притронулись.

Чая он не помнил.

Помнил коридор, где щёлкал радиатор.

Помнил, как подписывал что-то ручкой, прикованной цепочкой к планшету.

А за этим — огромное плоское белое ничто.

Больше ничего.

— Я хотел бы посмотреть дело.

Она объяснила порядок, потому что обязана была это сделать.

Лиам слушал и не торопил.

Заинтересованное лицо.

Письменное заявление.

Пошлина.

Документы, которые можно выдать.

Документы, которые нельзя.

Ему дали форму.

Он заполнил её прямо у стойки: настоящее имя, настоящий адрес, настоящее родство с умершей.

Ни легенды.

Ни прикрытия.

Примерно посередине второй страницы ему пришло в голову, что он проехал шестьсот миль и получит всё необходимое просто потому, что является самим собой и выглядит ровно настолько усталым, насколько себя чувствует.

Он заметил эту мысль.

Заметил, что не поправил стойку, когда Гейл вышла из-за стойки.

И что сознательно не поправил.

Где-то внутри сделал маленькую точную отметку.

И пошёл дальше.

— Обычно ждать около двух недель, — сказала Гейл. — Но вы ближайший родственник, большая часть дела у меня здесь, в хранилище, а сегодня после обеда никого нет. Если посидите в задней комнате, я принесу всё, что имею право показать.

— Очень вам благодарен.

— Ага.

Она посмотрела поверх очков.

— Всё-таки далеко от Сазерленда.

В задней комнате были стол, четыре штабелируемых стула, окно на парковку и плакат службы помощи после утраты с номером телефона на отрывных полосках.

Ни одна полоска не была оторвана.

Гейл принесла зелёную коробку с делом и папку, постави-

ла на стол и ушла.

Минут через двадцать вернулась с чаем.

На этот раз Лиам его выпил.

Потом она снова оставила его одного.

Он начал сверху и пошёл вниз.

Протокол расследования — тот самый единственный лист, который он получил в январе, один раз прочитал и убрал в коробку под кроватью в доме, где теперь уже не было никакой кровати.

Maya Elizabeth Vance.

Дата рождения.

Профессия: аналитик.

Вот это её бы взбесило.

Однажды у матери за столом кто-то назвал её аналитиком, и Майя устроила целую сцену.

Я не аналитик. Аналитики читают то, что сделали другие.

Лиам некоторое время смотрел на слово.

Потом продолжил.

Медицинская причина смерти: не установлена; предполагаемое утопление.

Заключение: несчастный случай.

Ниже, в разделе обстоятельств, времени и места, четыре предложения канцелярского текста коронера.

Двадцать два месяца назад он прочитал их.

Они вошли в него как анестезия.

И действовали почти два года.

Но под этим листом лежало всё остальное.

И работать предстояло именно с остальным.

Он читал три часа.

Не в том порядке, в каком лежали бумаги.

В том, как его когда-то учили.

Первое:

чего здесь должно быть, но нет?

Отчёта о вскрытии нет — тела не было.

Заключения об идентификации нет — по той же причине.

Есть обращение к главному коронеру с просьбой разрешить расследование без тела и решение, разрешающее его провести.

Решение датировано через одиннадцать недель и три дня после того, как автомобиль подняли из воды.

Лиам задержался на этом.

Среднего срока он не знал.

Но помнил: когда он ещё занимался подобными вещами, заявление coronera о признании мёртвым человека, чьё тело не найдено, могло породить переписку на полтора года.

Государство не любит объявлять людей мёртвыми.

Оно научилось этого не делать.

Потому что всегда остаётся возможность, которую не исключили.

Одиннадцать недель — не невозможно.

Но быстро.

Он записал.

Подчеркнул.

И не стал делать вывод.

Данных телефона нет.

Вот это остановило его по-настоящему.

В полицейском резюме было сказано, что телефон погибшей, предположительно, находился в машине и обнаружен не был.

Больше ничего.

Но последнее соединение телефона с базовой станцией хранится не в телефоне.

Оно остаётся у оператора.

И любой полицейский, расследующий внезапную смерть у водохранилища в восемь утра, запросит эти данные ещё до обеда.

Они покажут, откуда человек ехал.

Когда.

Останавливался ли.

Это самая дешёвая строка во всём списке проверки.

Но в деле не было запроса.

Ни отклонённого.

Ни ожидающего исполнения.

Никакого.

Не было и ANPR.

От Челтнема до Килдера — двести шестьдесят миль через центр Англии по дорогам, покрытым камерами почти непре-

рывно.

В резюме имелась единственная строка: относящихся к делу данных автоматического распознавания номерных знаков не обнаружено.

Под строкой — ни номера запроса.

Ни даты.

Ни фамилии.

Второе:

что здесь есть, но выглядит странно?

Автомобиль обнаружили сонаром на второй день.

Подняли на четвёртый.

Но не силами полицейского морского подразделения.

Работу выполнила компания Whitley Marine Services Limited, обозначенная в отчёте как «оказывающая содействие».

Ни номера закупки.

Ни строки расходов.

Ни показаний человека с баржи.

Лиам записал название.

Третье:

что здесь есть и что здесь неправильно?

Техническое заключение по автомобилю.

Четыре страницы.

Фирменный бланк.

Подпись.

Причиной потери управления указан периодический сбой

подачи топлива, способный вызвать кратковременную потерю тяги на малой скорости.

Документ составлен профессионально.

И это был единственный технический документ в деле.

Несущая стена всего заключения.

Потому что без него оставалась женщина, которая сухим утром съехала с почти прямой дороги в водохранилище без какой-либо известной причины.

Бланк принадлежал гаражу в Беллингеме.

Дата отчёта — одиннадцатое февраля.

Лиам прочитал четыре страницы дважды.

Потом откинулся и посмотрел в окно на парковку.

Что-то в шапке документа не давало покоя.

Понадобилась минута.

Когда он нашёл, сначала не поверил.

Прочитал снова.

В шапке стоял регистрационный номер компании.

В половине четвёртого Гейл Моубрей заглянула в дверь.

— Если хотите что-то откопировать, есть ксерокс. Двадцать пенсов за лист. Аппарат старше меня.

— Можно спросить?

— Можно.

— Когда коронер разрешает выдать автомобиль после дела, сколько он обычно остаётся на хранении?

Голос Лиамы оставался совершенно ровным и совершенно незаинтересованным.

— Пока не перестанет быть нужен.

Она вошла и положила руку на спинку стула.

— Обычно до расследования или почти до него. Если есть технический вопрос, машину держат, пока все кому нужно её не посмотрят. Потому что потом обратно уже не получишь.

Она скорчила лицо.

— У нас одна три года простояла на площадке в Прудо.

— Кто подписывает выдачу?

— Сотрудник коронера. Или я по его указанию. И это заносится в журнал.

— Спасибо.

Она задержалась в дверях.

— Ты точно в порядке, дорогой?

— Всё нормально, — сказал Лиам. — Оказалось проще, чем я думал.

Это была ложь.

Хорошая.

Он посмотрел, как она сработала.

Номер компании он проверил с телефона уже на парковке, сидя в машине с открытой дверью и одной ногой на асфальте.

Whitley Marine Services Limited.

Зарегистрирована в сентябре предыдущего года.

Один директор.

Адрес в Блайте — служба пересылки корреспонденции.

Добровольно ликвидирована через тринадцать месяцев.

Никакой отчётности, кроме нулевой.

Компания существовала четыре месяца до того, как подняла машину его сестры из Килдер-Уотер.

Ещё восемь месяцев после.

Потом перестала существовать.

И это тоже ничего не доказывало.

Маленькие морские подрядчики появлялись и исчезали, как погода.

Он записал.

Потом проверил гараж.

Hepburn & Son (Motor Engineers) Ltd, Bellingham.

Регистрация — 1994 год.

Исключена из реестра и ликвидирована четырнадцатого октября.

За три месяца и двадцать восемь дней до даты отчёта, напечатанного на её бланке.

Лиам сидел в машине, одна нога по-прежнему стояла на асфальте.

Четыре раза перечитал страницу Companies House.

Существовало совершенно невинное объяснение.

Гараж закрывается.

Механик продолжает работу как частник.

В кладовке остаётся коробка фирменной бумаги.

Он использует её ещё два года — потому что бумага есть бумага.

Так бывает.

Постоянно.

И даже ничего нечестного в этом нет.

Но техническое заключение по смертельному случаю не пишет механик просто потому, что у него осталась старая бумага.

Такое заключение заказывают.

Кто-то даёт поручение.

Кто-то платит.

Есть письмо-заказ.

Есть счёт.

Счёт оплачивается из средств коронера.

И у него есть номер.

Лиам вернулся внутрь и спросил.

Гейл посмотрела.

Ни письма-заказа.

Ни счёта.

Она нахмурилась на экран.

— Значит, по линии полиции. Наверное, они заказали и просто прислали нам копию.

Ни тени подозрения.

И, скорее всего, именно так всё и выглядело.

Человек, сидящий на её месте, просто не имел никакой возможности узнать, что это не так.

Свидетельские показания Лиам оставил напоследок.

Читал их уже в машине по дороге на запад, положив папку на пассажирское сиденье, пока уходил дневной свет.

Показаний было два.

Женщина, ехавшая в сторону Фолстона примерно в 07:20, видела тёмный хэтчбек, двигавшийся на восток с нормальной, по её словам, скоростью.

Мужчина, гулявший с собакой по береговой тропе возле Уикхоупа, услышал где-то между семью и восемью звук, который тогда принял за падающее дерево в лесу.

Ни один не сообщил ничего важного.

И именно это было важно.

Два обычных человека внесли в официальный материал два обычных факта.

И вместе эти факты превратили пустую машину в машину, которая сначала ехала по дороге с нормальной скоростью, а потом издала звук.

Оба адреса были в деле.

Первый — коттедж на дороге из Фолстона.

На стене ящик для ключей.

На окне заламинированная карточка с телефоном агентства и QR-кодом.

Лиам позвонил из кармана дороги в двух милях дальше.

Представился человеком, который собирается снять дом на неделю в феврале.

Спросил, давно ли они им управляют.

Одиннадцать лет, ответила женщина.

Один из их самых первых объектов.

Лиам между делом, голосом человека, просто поддержи-

вающего разговор, спросил, хорошо ли сдаётся зимой.

Не особенно.

До марта почти пустует.

Кроме рождественской недели.

Он поблагодарил, отключился и ещё некоторое время сидел в кармане с работающим двигателем.

Второй адрес — бунгало на окраине Беллингема.

Табличка «Продаётся» позеленела внизу столбика.

Изгородь не стригли сезона два.

За стеклянной вставкой двери несколько лет бесплатных газет спрессовались в гнилую массу.

Лиам не стал стучать.

Дважды проехал мимо.

Сначала в одну сторону.

Потом обратно.

Около двадцати миль в час.

Не останавливаясь.

Клэр он позвонил из телефонной будки возле закрытого почтового отделения в Оттерберне, в десять минут седьмого.

— Это я.

— Где ты?

— Не по телефону.

— Да. Извини.

Пауза.

— Говори.

— Кто разрешает уничтожить машину до расследования

коронера?

Клэр понадобилось мгновение.

Он услышал, как она что-то положила.

— Никто. Или офицер, ведущий дело, если техническая экспертиза закончена, семья настаивает, а площадка забита. Такое бывает. Само по себе ничего зловещего.

— Насколько часто?

— Достаточно часто, чтобы на этом ничего не строить.

Ещё пауза.

Потом осторожно:

— Лиам, это всё, что у тебя есть? Потому что если всё, я бы очень не спешила.

— Не всё.

— Хорошо.

Она не спросила.

Именно это он всегда умел в ней использовать и редко задумывался почему:

Клэр никогда не просила середину истории, если могла дожждаться конца.

— Что-нибудь нужно от меня?

— Нет.

— Тогда поешь. И не пытайся проехать весь путь за один раз.

Она отключилась раньше, чем он успел решить, раздражает его это или нет.

На следующее утро он снова приехал в Хексем — в десять

минут десятого.

Гейл позволила взять коробку ещё на два часа.

Не должна была.

Но позволила.

Теперь он пошёл по журналу движения дела страница за страницей, ведя пальцем по строкам.

В первый день он сделал этого недостаточно тщательно.

Потому что тогда смотрел документы, которые **что-то搞-
ворили.**

А журнал ничего не говорил.

Просто даты в колонке и одна строка напротив каждой.

Получены документы.

Получено показание.

Письмо семье.

Запрошено решение.

Запись за двадцать второе число:

Автомобиль выдан. Уничтожение разрешено.

Через одиннадцать дней после подъёма.

За восемь недель до того, как вообще запросили разрешение проводить расследование без тела.

За четырнадцать недель до того, как кто-то сел в комнате и официально решил, каким образом умерла его сестра, единственная физическая улика дела уже попала под пресс в графстве Дарем.

И вышла оттуда металлическим брикетом.

Лиам положил палец на строку.

Не двигал.

Запись была сделана тем же почерком, что остальные.

Внизу страницы — блок подписи.

Инициалы сотрудника коронера, чьё имя встречалось ещё на одиннадцати страницах дела.

Всё правильно.

Всё на месте.

Всё выглядело ровно так, как должно было выглядеть.

А на полях рядом со строкой, примерно на три четверти дюйма в белое поле, стоял штамп.

Маленький.

Овальный.

Фиолетовый.

Прокатан чуть неровно, поэтому левый край получился темнее.

Четырёхзначный номер над тремя буквами:

3117

LPI

Рядом синей шариковой ручкой, почерком, которого больше нигде на странице не было:

дата и два инициала.

Н МСТ.

Лиам долго смотрел.

Он знал, как выглядит документация коронера.

Знал полицейские бумаги.

Знал штампы подразделений.

Знал, как выглядят номера URN.

Знал отметки прокуратуры.

Одиннадцать лет он читал пометки на полях чужих учреждений.

Именно на полях обычно и лежит настоящая жизнь любого учреждения.

Этот штамп не принадлежал ничему из знакомого.

Это была входящая отметка.

Какой-то реестр где-то получил этот лист.

Поставил штамп, подтверждая получение.

Потом лист снова вышел из того места — вместе со штампом.

Прошёл дальше по бумагам.

По дороге его как минимум дважды копировали.

А потом он двадцать два месяца лежал в зелёной папке в хранилище в Хексеме.

И ни один человек не спросил, что это за отметка.

Лиам сфотографировал штамп.

Потом всю страницу.

Потом две страницы до неё и две после.

Позвал Гейл.

— Знаете, что это?

Она надела очки, наклонилась над столом и секунд десять рассматривала.

— Нет. Наверное, пришло с полицейским пакетом. Они всё штампуют.

Выпрямилась.

— Это важно?

— Скорее всего, нет, — сказал Лиам.

Немного после полудня он выехал из Хексема на север.

На вершине военной дороги остановился.

Позади под низким серым небом уходил весь Нортумберленд.

Лиам выключил двигатель.

И разложил всё так, как разложил бы для другого человека.

Запрос телефонных данных, которого никто не делал.

Проверка камер без номера запроса.

Частная фирма, зарегистрированная за четыре месяца до того, как понадобилась, и ликвидированная через восемь месяцев после.

Техническое заключение на бланке уже не существующей компании.

Без заказа.

Без счёта.

Два свидетеля, чьи показания привязаны к пустующему коттеджу и пустому бунгалу.

Автомобиль уничтожен за восемь недель до того, как вообще запросили разрешение проводить расследование.

Решение, полученное за одиннадцать недель.

Возьми любой из этих пунктов отдельно.

Посади его в комнате.

И он развалится.

Для каждого существовало невинное объяснение.

Лиам мог сам написать все семь.

И в большинство поверил бы.

Бумаги теряются.

Маленькие фирмы закрываются.

Показания берут там, где человек оказался в тот момент.

Стоянки переполняются.

Вот в этом и заключался замысел.

Теперь он видел его целиком.

Плоско.

И это не было ни умно, ни дорого.

Да и не требовалось.

В этой коробке не было ни одной лжи.

Ни один лист не говорил ничего заведомо неправдивого.

Кто-то просто взял несколько обычных сбоев учреждения — тех самых, которые встречаются по одному или по два почти в каждом деле в этом хранилище и никому не причиняют вреда, — и устроил так, чтобы все они произошли одновременно в одном деле.

Судя по всему, примерно за три недели.

И самым дешёвым элементом всей операции оказалось предположение, что никто никогда не сядет и не прочитает дело целиком.

Никто и не прочитал.

В январе оно уже было у него в руках.

Один лист.

Коридор.

Щёлкающий радиатор.

Он расписался.

Поехал на север.

Остановился за Джедборо.

И больше не перевернул ни одной страницы.

Потому что перевернуть страницу означало задать вопрос.

А где-то ниже уровня мысли он знал, что не может позволить себе услышать ответ ни на один вопрос.

Поэтому взял факт.

И встал на него.

Одиннадцать лет он был человеком, который читает пометки на полях.

Лиам долго сидел на вершине военной дороги.

Потом достал блокнот.

Последней записью были четырёхзначный номер, три буквы и два инициала синей ручкой.

Он не знал, что означает ни одно из них.

Но совершенно ясно понимал другое.

Он больше не расследует, умерла ли его сестра.

Теперь он расследует,

кто построил её смерть, сколько времени им на это понадобилось и сколько человек в этом участвовало.

Лиам завёл двигатель.

И повернул на север.

Глава четвёртая

Двое мужчин в арендованной машине

Дождь прекратился без двадцати четыре.

Лиам знал это, потому что не спал.

Он лежал под брезентом, натянутым между двумя уцелевшими стенами старого пастушьяго укрытия в ста сорока метрах выше дома. Под ним был настил из срезанного вереска, насквозь мокрого ещё с понедельника.

Он не спал примерно с двух.

По-настоящему он вообще не спал с той ночи, когда Клэр поднялась по дороге к его дому. А в самом доме не ночевал ни разу.

К утру четверга это уже перестало быть мерой предосторожности.

Просто стало тем, как он теперь жил.

Дождь прекратился, а примерно через полчаса облако сошло с Глас-Бейнн. В разрыве появилась часть луны, и вся терраса стала серой и различной: дом, сарай, пикап, дорога, спускавшаяся через две решётки для скота к шоссе, и за ней — ровное бледное озеро.

Лиам подумал, что это первый полезный свет за девять дней.

Потом подумал об этом ещё раз.

Внимательнее.

И перестал двигаться.

Овцы находились на нижней террасе, ниже сарая.

Двенадцать или четырнадцать шотландских черномордых овец, принадлежавших человеку из Инчнадамфа, который приезжал сюда дважды в месяц и ни разу за пять лет не постучал Лиаму в дверь.

Ночью овцы ложились у стены, защищавшей их от ветра.

Лиам пять лет каждый вечер видел, как они туда спускаются.

И знал, как звучат овцы, когда ничего не происходит.

Примерно без двадцати пять они все поднялись.

Одновременно.

И не издали ни звука.

Вот это было важно.

Если появляется собака, овцы вскакивают, бегут и поднимают шум.

Если проходит лиса, они в течение минуты поднимаются по одной, по две и недовольно блеют.

Двенадцать овец, которые одновременно молча встают и неподвижно смотрят в одну сторону, означают одно: через стадо прошёл человек.

Пешком.

И старался не шуметь.

Лиам не шевельнулся.

Лежал щекой на мокром вереске, смотрел через щель в стене и ждал.

Дал ему четыре минуты.

Турист продолжил бы идти.

Браконьер продолжил бы идти.

Человек, который без четверти пять утра сошёл с дороги, прошёл через овец, а потом четыре минуты никуда не двигается, не собирается идти туда, где его можно увидеть.

На шестой минуте Лиам увидел первого.

Их было двое.

Они поднимались по дороге.

Это было первое, что они сделали правильно.

Если незнакомый человек в октябре ночью полезет через склон, где болотные ямы полны водой, он упадёт лицом в грязь уже через триста метров и доберётся до дома с таким шумом, что разбудит любого.

Дорога просматривалась из дома на милю с четвертью.

Но дом был тёмным.

Никто внутри не должен был бодрствовать.

Поэтому дорога оставалась единственным способом подойти тихо.

Они это поняли.

Или кто-то понял за них.

И решение было правильным.

Второе правильное решение — они двигались по очереди.

Один идёт.

Второй стоит.

Потом наоборот.

Медленно.

Терпеливо.

Совершенно грамотно.

И совершенно бессмысленно на этой земле в этот час, потому что в радиусе четырёх миль не было ни одного человека.

Даже собаки не было.

Они двигались так не потому, что обстоятельства этого требовали.

А потому, что **так они всегда работали.**

Лиам лежал в мокром вереске, смотрел, как они поднимаются по его дороге, и почувствовал, как внутри исчезло что-то последнее.

Они остановились, не доходя до двора.

Один сошёл с дороги налево, обогнул торец сарая, некоторое время стоял возле пикапа, потом опустился на колени и примерно полторы минуты что-то делал под машиной.

Второй подошёл к двери.

Света в доме не было.

Лиам оставил в окне штормовой фонарь, прикрутив фитиль почти до конца.

Печь тоже оставил тлеть.

Фонарь всё ещё горел.

Ни один из мужчин не посмотрел на него второй раз.

Значит, им сказали, что фонарь будет гореть.

Дверь открыли силой.

Почти без шума.

Один короткий удар плечом в защёлку, которая сто десять лет удерживала дверь только от ветра.

Потом внутри появилось движение.

Низкий перемещающийся луч света.

Лиам лежал в ста сорока метрах выше собственного дома и смотрел, как двое мужчин его обыскивают.

Они делали это хорошо.

Сначала комната.

Потом занавеска в углу.

Кровать за ней.

Один всё время оставался у двери с поднятым оружием.

Второй вернулся и проверил комнату ещё раз.

Медленнее.

Именно этот второй осмотр обычно все пропускают.

Они провели внутри четыре минуты.

Потом вышли во двор.

И не ушли.

Вот тогда Лиам понял, зачем они пришли.

Человек, которого послали напугать, что-нибудь ломает и уходит.

Человек, которого послали осмотреть дом, фотографировать и уходит.

Эти двое вошли в пустой дом без десяти пять утра.

Печь тёплая.

Фонарь горит.

Машина во дворе.

Значит, хозяин где-то рядом.

В нескольких сотнях метров.

Им понадобилось примерно пятнадцать секунд, чтобы принять решение.

Они разделились.

Тот, что был у сарая, вошёл внутрь с фонарём.

Второй начал подниматься по склону.

Шёл вдоль ручья.

Разумный маршрут.

Шёл медленно.

Примерно каждые десять шагов останавливался, подносил что-то к лицу и медленно проводил головой по дуге слева направо и обратно.

Лиам прижал лицо к вереску.

Закрыл глаза.

Он лежал в развалинах без крыши под дождём с половины десятого вечера.

Куртка промокла до третьего слоя ещё несколько часов назад.

Вереск под ним стоял в воде.

Он ел в шесть.

С тех пор почти не двигался и не вырабатывал тепла.

По его оценке, температура тела снаружи отличалась от

температуры каменной стены, возле которой он лежал, градус на два.

Стена — метр сухой каменной кладки, покрытой восьмидесятилетним мхом.

Никакого тепла.

Лиам был таким же холодным, как склон.

Это и было всей его маскировкой.

Четыре ночи он мёрз здесь впустую.

До этой минуты.

Он слушал, как мужчина поднимается.

Ботинок по камню.

Ботинок по камню.

Пауза.

Тихий пластиковый щелчок крышки объектива или крепления ремня.

В тридцати метрах мужчина надолго остановился.

В восемнадцати снова двинулся.

Лиам уже решил.

Решил в тот момент, когда они разделились.

Потому что тогда исчез вариант, который ему нравился больше всего: уйти за заднюю стену укрытия, спуститься по дальнему ручью и через двадцать минут оказаться в двух милях отсюда, так и не показавшись им на глаза.

Пока оба находились в одном месте, вариант был хорош.

Когда один пошёл вверх с тепловизионным монокуляром, а второй остался внизу рядом с машиной и телефоном, он

перестал работать.

Всё остальное Лиам рассчитал секунд за девять.

Расчёт получился неприятным.

Пикап стоит во дворе.

Один из них полторы минуты провёл под ним.

Считать машину потерянной.

Отсюда пешком четыре мили до шоссе и сорок до места,
где есть автобус.

Ночью.

В октябре.

Мокрому насквозь.

Против двух человек с машиной, телефоном и возможно-
стью через час отметить на карте всё необходимое.

Это не побег.

Это отсрочка.

И второе, чему он не собирався придумывать красивого
объяснения:

ему нужно было узнать, кто они.

Другого способа не было.

Поэтому он ждал.

Лицом в вереск.

Руки там, где хотел их держать.

Позволил мужчине подойти на одиннадцать футов и ми-
новать край стены.

Всё заняло секунд одиннадцать.

И получилось грязно.

Лиам поднялся с земли ему за спину, впечатал в каменную стену, схватил оружие и развернул.

Мужчина был сильным.

Обученным.

И сделал правильную вещь: перестал бороться за оружие и свободной рукой ударил Лиам в лицо.

Дважды.

После второго удара внутренняя сторона щеки распоролась о собственные зубы, и рот наполнился кровью.

Они съехали по склону футов на пять и ударились о стену.

Мужчина поднял колено, создал пространство и снова схватился за оружие.

Оно выстрелило между ними в землю.

С глушителем.

Но на таком расстоянии звук всё равно был резким, плоским хлопком.

Мокрый торф брызнул во все стороны.

Лиам почувствовал, как пуля прошла через вереск возле ноги.

Он завёл руку мужчины дальше того положения, до которого рука способна доходить.

И закончил всё там.

На земле.

Коленом и обеими руками.

Это заняло больше времени, чем он рассчитывал.

И было слишком шумно.

Потом на склоне стало тихо.

Лиам лежал на человеке в темноте.

Сердце колотилось.

Рот был полон крови.

Он не задержался.

Скатился в сторону.

Забрал оружие.

Монокуляр.

Прошёл по горизонтали склона сорок метров.

Только после этого поднял прибор к глазам.

Дверь сарая открыта.

Во дворе никого.

Второй мужчина сделал правильную вещь.

И этим всё усложнил.

Он не пошёл вверх выяснять, что случилось.

Не закричал.

Не включил фонарь.

Ушёл со двора в мёртвую зону за стеной сарая и начал спускаться вдоль неё к дороге.

Его задача изменилась.

Теперь нужно было не найти человека.

А выйти с территории и доложить.

Он понял это примерно за те же пятнадцать секунд, за которые Лиам понял собственную ситуацию.

Всё правильно.

И именно поэтому он должен был погибнуть.

Потому что шёл по земле, которую видел один раз.

Ночью.

А Лиам прошёл её четыре тысячи раз.

Ручей уходил с террасы по двухметровой ложбине, заросшей ольхой.

Он шёл почти параллельно дороге, примерно в шестидесяти метрах восточнее.

С дороги его не было видно.

А из-за шума воды ничего не было слышно.

Лиам пошёл по ручью.

Быстро.

Держась рукой за стволы.

Вода доходила до голеней.

Монокюляр он не использовал ни разу.

Не требовалось.

Внизу он вышел ниже второй решётки для скота минуты на три-четыре раньше, чем осторожный человек, спускающийся ночью вдоль стены, вообще мог туда добраться.

Машина стояла у въезда в лес.

Там, где одиннадцать недель назад сам Лиам оставлял свою, когда шёл осматривать укрытие наблюдателя.

Тёмно-серый Ford Kuga.

Арендованный.

Стоял носом к выезду.

Лиам спрятался за машиной среди деревьев.

И ждал.

Мужчина быстрым шагом спустился по последнему участку дороги.

Оружие поднято.

Открыл дверь.

Поставил одну ногу внутрь.

Тогда Лиам его взял.

И сразу всё пошло неправильно.

Не катастрофически.

Но неправильно.

Он схватил мужчину, развернул.

Его голова ударилась о край дверной стойки.

Со всем весом Лиам.

И с несколько большей долей страха, чем Лиам рассчитывал вложить.

Звук получился такой, будто битой ударили по камню.

Мужчина сполз по борту машины и сел на мокрые листья, вытянув ноги.

Глаза оставались открыты.

Лиам забрал оружие.

Опустился рядом.

— Кто вас послал?

Мужчина посмотрел на него.

Один зрачок выглядел неправильно.

— Кто вас послал?

— Два-шесть, — сказал он.

Достаточно чётко.

Английский акцент, юго-восток.

Больше ничего.

— Два-шесть... выходит. Из сети в ноль шесть.

Он медленно моргнул.

— Окно... ноль четыре — ноль шесть. Постоянное.

— Кто вас послал?

— Задание.

— От кого?

— Не...

Рука чуть задвигалась по земле, словно он искал вещь, которую куда-то положил.

— Не знаю.

— Какое было задание?

Губы мужчины некоторое время двигались.

— Ты, — сказал он.

Лиам ждал продолжения.

Продолжения не было.

Он ждал ещё чуть больше двух минут.

Потом человек перестал быть человеком и стал телом.

И за время между этими двумя состояниями не произошло ничего полезного.

Лиам сел на пятки среди мокрых листьев.

Снова начинался дождь.

Он держал его.

Мужчина был жив.

В сознании.

Готов отвечать.

Целую минуту позывной, время выхода из сети и рабочее окно были лишь ничтожной частью того, что можно было получить.

А Лиам потратил эту минуту, четыре раза задавая один и тот же вопрос разными словами.

Потому что пять лет этим не занимался.

Потому что испугался.

Потому что впечатал голову человека в дверную стойку со всей силой, которая у него была.

Лиам стоял на коленях и смотрел на цену собственной ошибки.

Не смягчая её.

Потом поднялся.

И обыскал карманы.

Снаряжение рассказало больше, чем оба мужчины.

Оружие — ничего особенного.

Два девятимиллиметровых пистолета с резьбой.

Глушители.

Неплохие коммерческие модели.

Серийные номера удалены.

Моноккуляр хороший, но трёхлетний.

Такой мог купить кто угодно.

Медицинские комплекты — другое дело.

У каждого на поясе плоский подсумок.

Внутри запечатанный турникет.

Давящая повязка.

Пакет марли.

Всё одной модели.

Из одной партии.

Это выдавали.

Не покупали самостоятельно.

На упаковке каждого турникета маркером написан срок годности:

10-27-27.

Месяц.

День.

Год.

На этих островах никто так не пишет дату.

В Европе тоже.

В кармане куртки три энергетических батончика в упаковке, которую Лиам последний раз видел в сухом пайке в Иордании.

Телефон.

Пустой.

Никаких звонков.

Одно приложение, требующее отпечаток пальца.

В кармане двери договор аренды автомобиля.

Аэропорт Инвернесса.

Получен во вторник в 15:40.

Оплата картой на имя человека, которого, скорее всего, не существовало.

Вторник после обеда.

Лиам стоял среди деревьев под дождём и проделал расчёт.
Форма результата ему не понравилась.

Кто-то держал человека на его склоне шестьдесят один день.

Шестьдесят один день режима три через четыре.

Журнал перемещений.

Подсчёт ворот.

Терпение, которое стоило настоящих денег и никуда не торопилось.

А через семьдесят два часа после того, как этот человек уехал в Инвернесс и отправился домой, двое других забрали машину в аэропорту Инвернесса, поднялись по А835 и приехали убить Лиам в промежутке между четырьмя и шестью утра.

Шестьдесят один день терпения.

А потом три дня.

Так не выглядит ситуация, когда один человек изменил решение.

Лиам видел достаточно организаций, меняющих решения.

Они делали это иначе.

Это было похоже — и дальше этой мысли он пока не мог пойти, стоя утром в лесу рядом с мёртвым человеком у колёсной арки, — на то, что **два разных человека узнали друг о друге.**

Он закончил к половине восьмого.

Поднял машину по дороге к дому.

За пять лет чужая машина впервые оказалась там.

Второго мужчину пришлось стаскивать со склона на импровизированных санях из проволоки для забора и секции ограждения.

Другого способа спустить тело сто сорок метров по такой земле не было.

Лиаму был сорок один год.

Во рту кровь.

И он не спал с двух.

Оба тела он занёс в дом.

Сначала сделал необходимое.

Зелёная папка.

Одиннадцать фотографий.

В машину.

Карта с материалами Нейсмита.

Ноутбук.

Два телефона.

Блокнот.

Деньги из банки на полке.

Два паспорта из-под третьей половицы от окна.

Один настоящий.

Второй — нет.

И действителен ещё четыре года.

Документы на пикап.

Их позже в тот же день он сжёг отдельно по причинам, которые сам не вполне мог защитить.

Потом прошёлся по остальному.

И почти ничего не нашёл.

Вот что поразило.

Он ходил по комнате с сумкой.

Мысль ему не нравилась.

Но всё равно пришла.

Пять лет.

А сумка слишком большая.

Он вышел в сарай.

Ворота для Кэмеронов были закончены.

Лежали на козлах.

Болты установлены.

Диагональ правильная.

Он несколько секунд смотрел.

Потом прошёл к верстаку.

Развернул свёрток с инструментами.

И посмотрел на них.

Из четвёртого кармана достал стамеску со скошенной режущей кромкой шириной три четверти дюйма.

Лезвие было сточено настолько, что над плечом осталось, наверное, два дюйма стали.

Самшитовая рукоять стала цветом похожа на старый мундштук.

Трещина появилась ещё до рождения Лиама.

Кто-то, умевший делать такие вещи, когда-то стянул её медной проволокой.

У кольца почти стёрлось имя изготовителя.

А ниже были выбиты две буквы.

Криво.

Не по центру.

Плохо.

Так выбивает человек, который торопится.

Лиам положил стамеску во внутренний карман пальто.

Остальные инструменты снова завернул.

Оставил на верстаке.

И вышел.

Сначала дизельное топливо.

Потом керосин.

Сарай тоже.

Потому что он был пристроен к дому.

Потому что внутри находился верстак.

Потому что на всём там оставались следы его рук после сорока одних ворот.

Пока работал, он думал.

Причины были практическими.

Он мог бы вслух объяснить их кому угодно.

В этом доме осталось пять лет его жизни.

Отпечатки на каждой поверхности.

Волосы в каждом углу.

Рисунок существования в золе печи, поленнице и коробке

с квитанциями за четырнадцать месяцев.

Два тела.

Один человек не сможет днём закопать их в торф.

И нельзя оставить их в доме, куда обязательно кто-нибудь придёт.

И ещё одно.

Пока на этой террасе стоит дом, существует место, где можно найти человека.

Его уже нашли однажды.

А самый надёжный способ добиться, чтобы следующие двое поднялись по дороге к **ничему**, —

сделать так, чтобы наверху действительно ничего не было.

Всё это было правдой.

В восемь утра Лиам стоял во дворе.

За спиной озеро становилось серебряным.

Дым из трубы изменил цвет.

Потом перестал быть дымом из трубы.

Лиам ничего не сказал.

Внутрь не вернулся.

Там не осталось ничего, чего он хотел.

Фонарь в окне погас одним из первых.

Он это заметил.

И заметил, что заметил.

Потом сел в арендованную машину.

Последний раз спустился по собственной дороге.

Проехал две решётки для скота.

Повернул на юг.

В зеркало не посмотрел.

Ему пришлось сознательно решить не смотреть.

И это его разозлило.

Связь появилась на вершине перевала.

Лиам остановился в кармане для разъезда.

Позвонил ей в десять минут десятого.

— Лиам.

— Они пришли сегодня утром. Двое. Между четырьмя и шестью.

На линии наступила секунда абсолютной тишины.

Потом Клэр включилась в работу.

Быстро.

— Ты ранен?

— Нет.

— Ранен. Где?

— Лицо. Ерунда.

— Где они сейчас?

— Их больше нет.

— Оба?

— Оба.

— На них или на земле осталось что-нибудь твоё?

— Нет.

— Дом есть?

— Нет, — сказал Лиам.

Пауза оказалась чуть длиннее первой.

— Хорошо, — сказала Клэр. — Правильное решение. И я хочу, чтобы ты знал: я бы посоветовала тебе то же самое. На чём ты едешь?

— На их машине.

— Сколько она у тебя?

— Час.

— Тогда у тебя есть время до пропущенного сеанса связи. Если у них двухчасовой цикл, возможно, ты его уже потратил. Доезжай до Инвернесса. Оставь машину на долгосрочной парковке аэропорта, билет положи на приборную панель. К терминалу не приближайся. От торгового парка идёт автобус.

Она двигалась, пока говорила.

Он слышал дверь.

— Не лети. Ничего не арендуй. В поезд в Инвернессе не садись. Сядешь в Перте. Чистые документы есть?

— Один комплект.

— Используй другой.

— Клэр.

— Да?

— У них было собственное задание. Это не те, кто наблюдал за мной. Между ними три дня — и примерно шестьдесят дней совершенно другого темперамента. Я не могу совместить одно с другим.

Она ответила не сразу.

А когда ответила, голос изменился совсем немного.

Позже Лиам будет много думать об этом изменении.

Сейчас ничего сделать с ним не мог.

— Нет, — сказала она. — Не сходится. Повтори мне это в Лондоне. Медленно.

— Это были не твои.

— Не мои.

Пауза.

— Лиам, я хочу сказать предельно ясно. На том склоне у меня был один человек. Он фотографировал, как ты носишь воду. Я отправила его домой. То, что сегодня утром поднялось по твоей дороге, поставила туда не я. Мне об этом не сообщали. И я хочу получить один день, чтобы понять, что это означает, прежде чем скажу что-нибудь ещё. Потому что прямо сейчас я могу предложить четыре объяснения. Три окажутся догадками. А ты потом будешь носить в голове все четыре.

Лиам обдумал это.

Внизу дорога шла между двумя озёрами.

В миле от него навстречу поднимался лесовоз.

А в двадцати двух милях к северу над террасой у Лох-Ассинта поднимался дым, на который никто не обратит внимания до второй половины дня.

— Мне жаль насчёт дома, — сказала Клэр.

Он не ответил.

— В пятницу, — сказала она. — Лондон. Я найду место.

— Хорошо.

— Лиам...

— С чего мне начинать? — спросил он.

Глава пятая

Кеннингтонский протокол

В Перте он на поезд не сел.

Оставил Kuga на четвёртом уровне долгосрочной стоянки аэропорта Инвернесса, положив парковочный талон на приборную панель, вышел через деревья к кольцевой развязке и сел на автобус до города. Потом пересел на другой — до Авимора — и два часа просидел в кафе возле станции, спиной к стене, лицом к двери.

На поезд там он тоже не сел.

В половине пятого поймал попутку на А9. Женщина развозила сантехнику и ехала в Данкелд. Девяносто миль она рассказывала об ученичестве сына и не задала Лиаму ни одного вопроса.

В Перте он прошёл мимо вокзала и продолжил идти.

На ночной автобус сел на станции на Леонард-стрит.

Заплатил наличными.

Имени не потребовалось.

Дорога заняла одиннадцать часов.

Четыре из них он спал — урывками, просыпаясь каждый раз, когда менялся ритм движения автобуса.

Клэр сказала: Перт.

Он доехал до Перта — и не сделал того, что должен был сделать в Перте.

Ещё не закончив обдумывать собственное решение, Лиам понял: Клэр понадобится примерно минута, чтобы восстановить его маршрут.

И она останется довольна.

Виктория.

Пятница, половина восьмого утра.

Он вышел из автобусного терминала и на мгновение остановился в дверях.

Лондон прошёл мимо него.

Пять тысяч человек двигались в четырёх направлениях, опустив головы, и каждый держал перед грудью светящийся экран.

Лиама не было здесь пять лет.

Дело было не в количестве людей.

Про людей он знал.

Дело было в том, что никто ни на что не смотрел.

Он пошёл на восток пешком.

До встречи оставалось два часа, и ему хотелось понять, как поведут себя ноги.

Он не принимал решения проверять, нет ли за ним хвоста.

Поднялся к Виктория-стрит, свернул на Страттон-Граунд, остановился у киоска и купил газету, которая ему не была нужна. Вышел на Хорсферри-роуд.

И где-то между Хорсферри-роуд и рекой заметил, что уже

четыре раза без видимой причины менял направление, дважды останавливался в дверных проёмах, где можно было использовать отражение в стекле, и с Грейкоут-плейс считал серую Astra.

На мосту он остановился на минуту и посмотрел на воду.

Навыки вернулись так, как возвращается язык.

Не вспоминаешь.

Он просто снова доступен.

Изменилось другое.

Всё, для чего эти навыки были нужны.

В 2019 году на этом маршруте было, наверное, два десятка камер.

Теперь — три или четыре сотни.

Большинство на частных зданиях.

Половина подключена к чему-то, что никогда не спит.

И почти исчезли кассы с наличными.

Газету Лиам попытался купить пятифунтовой банкнотой. Продавцу пришлось открыть пакет под прилавком, чтобы найти сдачу.

Пока искал, он посмотрел на Лиам.

И запомнил его.

То есть произошло прямо противоположное тому, для чего наличные служили всю профессиональную жизнь Лиам.

Пока он таскал воду вверх по склону, вся архитектура мира успела вывернуться наизнанку.

Лицо тоже не помогало.

Рану он заклеил сам полосками, купленными в аптеке Boots в Авиморе. Держалось неплохо.

Но за ночь синяк проявился полностью: фиолетовый уже начал переходить в зеленоватый и занимал всю левую сторону лица.

В Лондоне никто на него не смотрел.

Это было ещё одно отличие.

В Ассинте такое лицо к воскресенью стало бы единственной темой разговоров в трёх долинах.

Здесь за час мимо прошли две тысячи человек, и никто даже не заметил.

Лиам обнаружил, что ему это не совсем нравится.

Что было неразумно.

Он отметил собственную неразумность.

И убрал её в сторону.

Квартира находилась на третьем этаже пятиэтажного кирпичного дома возле Кеннингтон-роуд.

Наружные галереи.

По четыре квартиры на площадке.

Дом построен примерно в 1974-м, отремонтирован где-то в 2006-м и с тех пор, похоже, больше не трогался.

Клэр оставила ключ у продавца газет на углу.

В конверте.

На имя, которое не принадлежало Лиаму, но которым он дважды пользовался в Софии.

Он поднялся по лестнице, а не на лифте.

Открыл дверь.

Закрыл её за собой.

И несколько секунд стоял в прихожей.

Два выхода.

Главная дверь — на галерею.

Окно кухни — на плоскую крышу над помещением для мусорных контейнеров. Оттуда четыре фута до стены служебного двора, потом переулок, выходящий на главную дорожку в восьмидесяти метрах севернее фасада.

Лиам проверил окно.

Механизм был смазан.

Не недавно.

Но когда-то его смазал человек, который подумал о том же, о чём сейчас думал Лиам.

Окна гостиной выходили на восток, на задние фасады домов следующей улицы.

Сорок метров.

Шесть окон.

Жалюзи опущены — люди ушли на работу.

Кухню не просматривал никто.

Напротив главного входа находился медицинский центр, закрывавшийся в шесть.

Мебель:

серый двухместный диван;

стол;

четыре разных стула;

кровать с защитным чехлом на матрасе и без изголовья;
телевизор.

В кухонном ящике четыре меню доставки.

Два ресторана уже закрылись.

Зарядное устройство со штекером, которым в этой стране не пользовались лет десять, — вероятно, оставленное кем-то примерно в 2013 году.

В шкафчике ванной — только бритва и наполовину использованный блистер антигистаминных таблеток.

На столе ровной линией, аккуратно выровненные по краю:
аптечка;

пакет с одеждой его размера;

одноразовый телефон в коробке;

четыреста фунтов в банковском конверте.

Все купюры повернуты одинаково.

Лиам сел на один из стульев.

И одиннадцать минут не двигался.

Клэр пришла в двенадцать.

С двумя пакетами продуктов.

Открыла дверь своим ключом и остановилась, увидев его лицо.

— Господи, Лиам.

— Неглубоко.

— Четыре дюйма.

Она поставила пакеты на кухонную стойку, подошла, взяла его за подбородок и без разрешения повернула голову к

окну.

Четыре секунды внимательно рассматривала рану.

Отпустила.

— Сам сделал?

— В Boots.

— Сделал неплохо. Шрам всё равно останется. Надо было заклеить медицинским клеем.

Она вернулась к пакетам.

— Сядь, пока не упал. Когда ты последний раз ел что-нибудь, что не было из автомата?

— В среду.

— Понятно.

Она приготовила ему сэндвич с беконом.

Лиам съел половину.

Через четыре минуты — вторую.

Потом большую часть ещё одного.

Клэр ничего не сказала.

Поставила чайник и, пока вода закипала, стояла спиной к столешнице.

— Авимор.

— Да.

— А потом и там в поезд не сел.

— Нет.

— Хорошо.

Она достала две кружки.

— Сколько не спал?

— Со среды.

— Тогда сложную часть делаем сейчас, а после обеда ты спишь. Потому что завтра начнёшь тупеть, а я предпочитаю, чтобы ты тупел в одиночестве.

Налила чай.

— Всё равно ближайшие пять дней никуда не поедешь. С таким лицом.

— Пять дней.

— Пересечёшь границу — камера снимет лицо, и оно одиннадцать лет будет лежать в системе. Через пять дней никак станет похож на результат неудачного падения.

Она поставила перед ним кружку и села напротив.

— Мне тоже это не нравится. Но такова цена.

У неё была папка для документов.

Открывать её она пока не стала.

— Я разделю всё на три части, — сказала Клэр. — И каждый раз буду говорить, в какой именно мы находимся. Иначе следующие шесть недель ты будешь пытаться понять, в каких местах я уверена.

— Давай.

— То, что я знаю. Майя была жива семнадцать дней назад и находилась во дворе какого-то здания в стране на Адриатике. Это фотографии. Ты их уже разобрал, повторяться не будем. Существовала программа под обозначением Zero Point. Работала с нулевого девятого по четырнадцатый. Наша совместно с американцами. Её закрыли документом, который я

читала. Но закрытие не было закрытием. Это я знаю, потому что у меня есть три отдельных документа, появившихся после 2014 года, которых не могло бы существовать, если бы программа действительно прекратилась.

— Что она делала?

— Делала некоторые вещи читаемыми.

Клэр повернула кружку на столе.

— Тебе нужна форма, а не механизм. Форма такая. В мире хранится огромное количество перехваченного трафика, который никто не способен расшифровать. Государства держат его в хранилищах. Не только государства. Большую часть никто никогда не прочитает. Zero Point была причиной, по которой определённую долю можно было открыть.

— Какую долю?

— Не знаю. И любой, кто назовёт тебе цифру, что-то тебе продаёт.

Она подняла глаза.

— Вот что важно. Это работает задним числом. Речь не о том, чтобы прослушать телефон министра в следующий вторник. Попытаться это сделать может кто угодно. Речь о возможности открыть сообщение, отправленное в 2013-м. Или в 2016-м. Или прошлой весной. Потом. Не торопясь. Когда оно вдруг тебе понадобится.

Лиам некоторое время думал.

— Значит, им даже не обязательно что-то делать.

— Нет.

— Достаточно, чтобы люди верили, что они могут.

— Да.

Клэр дала мысли повисеть между ними.

— Поэтому я не могу дать тебе бумагу с чьим-нибудь именем. Я могу назвать одиннадцать человек в трёх странах, чьи карьеры внезапно повернули в сторону, которую никто не смог объяснить. Но я не могу доказать, что хотя бы в одном случае причиной было именно это. И они сами тоже не могут.

Она посмотрела на него.

— В этом и смысл. Человеку даже не обязательно знать, что с ним сделали. В этом вся красота системы. Я два года на неё смотрю, а у меня до сих пор холодеют руки.

Она сделала паузу.

— Теперь то, во что я верю.

— Давай.

— Люди, которые держат твою сестру, — не государство, не организованная преступность и не иностранная разведка. Внутри нашей структуры есть их люди. Внутри американской — тоже. И как минимум двое в одной европейской организации, которую я не назову, потому что относительно второго человека пока только предполагаю. Их немного. По моей рабочей оценке, от девяти до пятнадцати на уровне тех, кто принимает решения. И гораздо больше людей, работающих на компании, которые работают на них, совершенно не представляя, частью чего являются.

— Как Нейсмит.

— Как Нейсмит. И, вероятно, как те двое, которые под-
нялись по твоей дороге. На их уровне.

— Они были не из Merrow.

— Нет.

Она вдохнула.

— Этими тремя днями я занималась почти непрерывно. Расскажу всё, что есть. А есть немного. В конце августа я заказала частное наблюдение за тобой. Оно продолжалось шестьдесят один день. Заказ был мой. Оплата шла по статье, которую контролирую я. Увидеть её могли четыре человека во всём мире. Трое из них сидят в бухгалтерии в Слау.

— И кто-то увидел.

— Кто-то увидел что-то. Не знаю что. Не знаю, где утечка. Если скажу — начну выдумывать.

Она посмотрела на него.

— Но по телефону ты был прав. С тех пор я почти ни о чём другом не думала. Шестьдесят один день кто-то платит за терпение. Потом наблюдение заканчивается, проходит семьдесят два часа, и двое мужчин с американскими медицинскими подсумками забирают арендованную машину в Инвернесе.

Она покачала головой.

— Так не выглядит решение одной организации. Терпение и такая скорость не живут в одной голове.

— Две структуры.

— Как минимум два темперамента. Две ли это структуры или одна структура спорит сама с собой — я не знаю.

Следующие слова она произнесла осторожно:

— И скажу это один раз. Потом оставим. Если внутри действительно идёт спор, значит, кто-то там хочет, чтобы ты умер. А кто-то пока не хочет.

Она выдержала паузу.

— Это не повод успокаиваться. Это вещь, которой можно воспользоваться один раз. Если сумеешь понять, кто есть кто.

Лиам встал.

Достал из сумки зелёную папку.

Положил перед ней фотографию страницы, которую снял телефоном под углом в подсобке коронерской службы Хексема.

Клэр надела очки.

— Это журнал движения дела, — сказал Лиам. — Здесь машину разрешают утилизировать через одиннадцать дней после подъёма из воды. За восемь недель до того, как кто-либо вообще обратился за разрешением проводить расследование без тела.

— Да.

Она смотрела не на запись.

На поле страницы.

— Знаешь эту отметку?

Клэр несколько секунд изучала её.

Потом откинулась назад.

— Нет. Но могу сказать, чем она не является, а это полезнее. Не полиция. Не CPS. И не одна из коронерских служб Англии или Уэльса. Четыре цифры над тремя буквами и отметка о получении. Это регистрационный штамп. Какой-то центральный реестр принял лист, зарегистрировал, потом выпустил обратно, оставив свой штамп. После этого лист дважды откопировали в комплект документов, и никто больше на него не посмотрел.

— Чей реестр?

— В этом и проблема.

Она сняла очки.

— В Уайтхолле таких реестров пара сотен. Все используют вариации одного формата. Публичного списка нет. Если я начну спрашивать, чей реестр ставит фиолетовый штамп «четыре над тремя», делать это придётся через систему, которая записывает, кто задавал вопрос. В этом месяце я этого делать не собираюсь.

— Значит, он ничего не даёт.

— Он говорит, что дело прошло через Лондон. Это не ничего. Это больше, чем у тебя было во вторник, и меньше, чем тебе хотелось бы. Такие вещи откладывают и возвращаются к ним, когда могут себе позволить.

Она подтолкнула фотографию обратно.

— Сохрани. Не гонись за ней.

Лиам убрал лист.

— Теперь то, что я предполагаю, — сказала Клэр.

— Почему она жива.

— Почему она жива.

Клэр положила ладони на стол.

— Вот это я хочу, чтобы ты держал в голове. Потому что именно это поможет понять, на что ты смотришь, когда окажешься там. Если бы им требовалось то, что находится у Майи в голове, они получили бы это максимум за две недели. Это несложно. Исключений не бывает. А любой, кто утверждает обратное, никогда не находился ближе ста миль к подобным вещам.

— Они не закончили.

— Не закончили. Прошло двадцать два месяца.

Она перевернула ладони.

— Значит, им нужно не то, что она знает. Им нужно то, что она способна создать. А вещь, которую создаёт человек, нельзя просто из него вынуть. Можно напугать его настолько, чтобы он пытался. Можно два года заставлять работать в комнате с белой доской. Но нельзя заставить добиться результата. И даже нельзя понять, добивается ли он результата, пока не покажешь ему достаточно того, что у тебя есть, чтобы убедиться. А в тот момент, когда ты это сделаешь...

Она замолчала.

— Говори, — сказал Лиам.

— В тот момент она начинает видеть тебя.

Клэр посмотрела ему в глаза.

— Вот моё предположение. Всё предположение целиком. У меня было два года, чтобы придумать что-нибудь лучше, и я не смогла. Где-то в этом здании твоей сестре дали достаточно доступа, чтобы она могла выполнять работу. И если она такая, какой я её считаю, часть этого доступа она использовала, чтобы изучать людей, которым принадлежит.

Лиам сидел неподвижно.

— Ты думаешь, она работает против них.

— Думаю, на твоём месте ты работал бы против них. Я встречалась с ней дважды. Читала её аттестации за четыре года. Я бы не стала ставить деньги на обратное.

В половине третьего Клэр открыла папку.

— Две легенды. Они никак не соприкасаются, и ты никогда не носишь обе одновременно. Первая — для поездок. Специалист по оценке ущерба в морском страховании из Гамбурга. Она позволяет тебе крутиться возле портов, капитаний, брокеров и верфей. Даёт право спрашивать, что, на чём и когда пришло. За всю историю мира ещё никто не заинтересовался страховым оценщиком.

Она положила документы на стол.

— По этому паспорту пересекаешь границу. Вторая легенда работает только за наличные и никогда не подходит к границе. Она нужна для того, чтобы, когда первую придётся сжечь, ты мог продолжить работу в тот же день.

— Куда?

— Черногория.

Клэр положила на стол карточку.

— Meridian. Будва. Казино. За четырнадцать месяцев четыре платежа из структуры счетов, обслуживающей интересующих меня людей, пришли туда. Два потом вышли обратно уже как совершенно законные деньги на побережье. У меня есть четыре транзакции и одно здание. Нет человека. Нет механизма. И я не собираюсь делать вид, что они у меня есть.

— Это начало.

— Это начало. Деньги — единственная часть организации, которую невозможно сделать невидимой. Потому что в конце всегда находится кто-то, кому приходится поставить подпись.

Она один раз постучала пальцем по карточке.

— Найди подпись. Не здание. Подпись. Всё остальное пойдёт от неё.

— Финансирование?

— Канал открыт.

Лиам посмотрел на неё.

— Когда ты его открыла?

— Четвёртого сентября.

Ни малейшего колебания.

— За шесть недель до того, как поднялась по моей дороге.

— Потому что ты уже решила.

— Потому что он понадобился бы мне независимо от того, что ты ответишь.

Она выдержала его взгляд.

— Если бы журнал Нейсмита показал не то, я поехала бы сама. Плохо. В сорок девять лет. И, скорее всего, погибла бы. Деньги в этой стране всё равно понадобились бы. Оставлять канал закрытым до твоего согласия было бы сентиментальностью. У меня нет для неё места.

Лиам перевернул карточку.

Положил обратно.

— Хорошо.

Остальное заняло час.

Эта часть давалась легче всего.

Потому что это была процедура.

А процедура ничего от него не требовала.

Связь.

Не постоянный канал, а расписание.

Три окна в сутки.

По сорок минут каждое.

Мёртвый обмен через общую папку черновиков в аккаунте, который существовал у Клэр с 2016 года.

Три состояния.

Зелёный: всё штатно.

Жёлтый: компрометация или ухудшение условий; остановиться, не выходить на связь семьдесят два часа.

Красный: эвакуация.

— Для эвакуации фиксированный формат, — сказала Клэр. — Четыре поля. В определённом порядке. Без текста. Статус пакета. Статус персонала. Местонахождение. Окно.

— Пакет перед персоналом.

— Пакет перед персоналом. Если у тебя вырвут телефон на втором символе, мне нужно, чтобы первое поле сообщило, существует ли объект. Всё, что касается людей, я смогу выяснить потом.

Она уже тянулась за следующим листом.

— Перед отъездом дважды напишешь мне всё по памяти. В среду заставлю повторить, когда устанешь. Именно тогда ты ошибёшься.

Лиам ничего не сказал.

Так строился сигнал эвакуации.

Он сам писал их с десятков.

И ни разу не видел причины задумываться, почему поля стоят именно в таком порядке.

— Вторая задача, — сказала Клэр.

— Давай.

— Я говорю тебе сейчас, а не через шесть недель. Потому что если придержу это и выдам в гостиничном номере в Будве, ты больше никогда не поверишь ни одному моему слову. И будешь прав.

Она снова положила ладони на стол.

— Итак. Майя жива, потому что полезна. А то, что делает её полезной, неизбежно является одновременно описанием того, кто они такие и что они сделали. Потому что невозможно построить вещь, не записав, для чего эта вещь предназначена. Если рядом с ней есть хоть что-нибудь подобное

— на бумаге, диске, массиве данных — я хочу, чтобы ты это вынес.

— Это уже второе задание.

— Это то же самое задание. И сейчас объясню почему. Я хочу, чтобы ты действительно взвесил аргумент, а не отбросил только потому, что речь не о твоей сестре.

Клэр слегка наклонилась вперёд.

— Ты вытаскиваешь её и больше ничего. Получаешь женщину без документов, с известным им лицом, в мире, где люди, которым она принадлежала, способны открыть всё, что когда-либо кому-либо отправлялось. Они найдут её. Через восемнадцать месяцев найдут в какой-нибудь деревне в Португалии. И найдут тебя рядом. А ты ничего не сможешь сделать, потому что у тебя не будет ничего, чего они боятся.

Она откинулась назад.

— Такие люди останавливаются только тогда, когда меняется арифметика. Вынеси что-нибудь. Это единственная страховка, которая когда-либо будет у вас обоих.

Лиам некоторое время смотрел на стол.

— Это настоящая версия.

— Настоящая.

Последним было оружие.

Клэр достала его из коробки из-под обуви.

Завёрнутый Glock 19 с потёртым покрытием, ограничителем магазина и без единой примечательной детали.

Она сказала, что оружие предназначено для Лондона.

Из квартиры его не выносить.

К аэропорту не приближать.

Лиам ответил, что знает.

Он разрядил пистолет и разобрал его на столе, почти не глядя.

Руки сами выполнили последовательность примерно за четыре секунды, не спрашивая его разрешения.

Пять деталей лежали на столе.

А потом пистолет снова оказался собран ещё до того, как Лиам закончил фразу, которую говорил.

Он сидел, положив на него ладонь.

И обнаружил, что где-то под рёбрами что-то не так.

В месте, которому у него не было никакого оперативного применения.

Это ощущение появилось примерно у второй решётки для скота утром в четверг.

И не исчезло.

Вероятно, теперь так и будет.

Клэр всё видела.

И ничего не сказала.

Она ушла в шесть.

У двери надела пальто и остановилась, просунув одну руку в рукав.

— Кто ещё знает? — спросил Лиам.

— Я.

— Это не ответ.

— Это весь ответ.

Клэр надела второй рукав.

— Нет представления на утверждение. Нет санкции на задание. Нет операции. Есть строка старого финансирования, привязанная к программе, которая закончилась в 2011 году и о которой меня никто никогда не спрашивал. Эта квартира принадлежит тому же фонду. Ключи у меня четырнадцать лет.

Она застегнула пальто.

— Поэтому нет команды. Нет кавалерии. Если тебя возьмут в той стране, я не смогу послать ни одного человека тебе на помощь. И буду отрицать, что знаю твоё имя. Тебе нужно услышать это сейчас. Потому что однажды ты окажешься в какой-нибудь комнате и будешь надеяться, что я сейчас что-то сделаю.

Она посмотрела на него.

— А я не сделаю. Лучше знать это сейчас, чем тогда.

— Хорошо.

— Ты воспринял это спокойнее, чем мне хотелось.

— Если бы врала, пообещала бы помощь.

— Да, — сказала Клэр. — В этом твоя проблема.

Она застегнула последнюю пуговицу.

Посмотрела на него внимательно.

— Провалы всё ещё бывают?

Сказано совершенно буднично.

Уже на выходе.

Одна рука на защёлке.

Таким голосом спрашивают, не болит ли старое колено.

— Нет, — сказал Лиам.

Она задержала взгляд на секунду.

Он не понял, что она сделала с его ответом.

Потом Клэр один раз кивнула.

Открыла дверь.

— Поспи. Вернусь в воскресенье. Утром первым делом
запиши формат эвакуации. По памяти. На лист не смотри.

Лиам не спал.

Он сел на пол, прислонившись спиной к дивану.

Так он не сидел с тридцати лет.

Разложил одиннадцать фотографий на ковре.

Три.

Четыре.

Четыре.

И позволил комнате вокруг них погрузиться в темноту, не
включая света.

Девять.

И две.

Он думал о женщине во дворе.

О руке, которая не двигалась при ходьбе.

О том, что она провела в комнате с белой доской шестьсот
семьдесят дней.

И о словах Клэр, сказанных с ладонями на столе:

будь на её месте он — он работал бы против них.

Так и было бы.

Каждый день.

Примерно со второй недели.

Потом Лиам подумал о другом.

О практической стороне.

Рассмотрел её как следует, потому что она определит форму следующей части его жизни, а ему хотелось обдумать её сейчас — сидя на ковре в Кеннингтоне, — а не там, где размышления уже будут чего-нибудь стоить.

Он мог остановиться.

Это была реальная возможность.

И он заставил себя её удержать.

Можно взять деньги со стола.

Уйти.

Через неделю оказаться в Галисии.

Через месяц исчезнуть.

Через одиннадцать лет стать человеком в каком-нибудь городе, который чинит вещи.

Такая жизнь всё ещё существовала.

За человеком, который остановился, никто не станет охотиться.

Потому что человека, который остановился, дешевле не замечать.

А Майя останется в комнате с белой доской.

Будет работать.

И продолжит работать до того утра, когда перестанет быть

полезной.

Лиам долго думал об этом.

И не нашёл внутри себя ничего, что позволило бы устроить жизнь вокруг этого знания.

Не горе.

Горе он уже пережил.

У горя был пол.

На нём он простоял двадцать два месяца.

А здесь пола не было.

Просто существовала вещь, которая будет происходить.

При дневном свете.

Пока он ест.

Через некоторое время после полуночи Лиам поднялся.

Поставил чайник.

И не налил в него воды.

Потом нашёл в кухонном ящике шариковую ручку.

Взял оборотную сторону меню одного из закрывшихся ресторанов.

Сел за стол.

И по памяти написал четыре поля.

В правильном порядке.

Глава шестая

Спящие статьи

Сообщение от Ферье пришло в десять минут девятого утра в субботу, когда Клэр стояла на кухне и ждала, пока выскочит тост.

Сегодня, как ни странно, буду в городе. Может, перекусим около часа? Ничего срочного.

Клэр прочитала сообщение дважды и положила телефон экраном вниз на столешницу.

Дугласа Ферье она знала одиннадцать лет. Он был директором объединённого программного управления, ведавшего контрактным обеспечением четырёх ведомств, и работу свою делал хорошо. За все одиннадцать лет он ни разу не просил её о чём-либо в выходные.

Люди его уровня по субботам не работали.

Они работали по воскресеньям вечером, дома, в свитере, и в одиннадцать ночи рассылали письма, начиная с извинения.

Фраза *ничего срочного* проделала немалую работу в этих восьми словах.

Клэр съела тост стоя и села на поезд до Воксхолла в девять десять.

Здание было пусто на три четверти.

На третьем этаже дежурила смена. В Финансовом управлении сидела женщина, имя которой Клэр никак не могла вспомнить, — разбиралась с чем-то, что пошло не так в четверг. А когда Клэр проходила мимо кухни на четвёртом, там по кругу пускали прощальную открытку для кого-то из Иранского отдела. На обложке была фотография собаки.

Клэр подписала:

Всего доброго, К.

И понятия не имела, кто этот человек.

Вот чего люди никогда не понимали.

Три с половиной тысячи человек каждый день приходили в такие здания, выполняли законную, тщательную и по большей части скучную работу, возвращались домой, ничего не рассказывали семьям — и так тридцать лет подряд.

У женщины из Финансового управления в четверг действительно возникла проблема.

Человек с собакой действительно уходил на пенсию.

Никто на этом этаже никогда не слышал о Zero Point и никогда не услышит. А если бы им рассказали, четверо из пяти не поверили бы, а пятый доложил бы куда следует.

И поступил бы правильно.

Это не было изъясном.

Так работал механизм.

Учреждения не были заговорами.

Учреждения представляли собой огромное количество

честно выполненной работы. И всё искусство — всё без остатка, единственное искусство, которое здесь существовало, — заключалось в понимании того, что одиннадцать решений можно спрятать среди ста тысяч других.

И никто, ищущий злой умысел, никогда их не обнаружит.

Потому что на поверхности нигде не будет никакого злого умысла.

Только бумага, которая ушла чуть дальше, чем должна была.

Или попала куда-то чуть раньше, чем могла.

Клэр поднялась в Мансарду и открыла дверь своим ключом.

Четыре комнаты в конце коридора. Лифт не доходил сюда один этаж.

Наследие.

Старые программы. Закрытые программы. Программы, которые ещё в 1998 году включили в другие программы, а они с тех пор всё продолжали порождать переписку.

Исторические претензии.

Иногда письма от семей.

И очень много хранения.

По штату здесь числились пять человек. Две должности оставались вакантными с марта, и Клэр не торопилась их заполнять.

Она сварила кофе, открыла финансовую систему и методично начала выяснять, кто наблюдал за тем, как она поку-

пала шестьдесят один день чужой жизни.

Это заняло до половины двенадцатого.

И когда ответ наконец появился, оказалось, что это не человек.

Наблюдение было оформлено как заявка по программе BRACKENFIELD — закрытой в 2011 году, но сохранившей свой центр затрат, потому что никто так и не завершил процедуру вывода из эксплуатации.

За четырнадцать лет Клэр воспользовалась им, возможно, девять раз.

Платежи проходили.

Вопросов не возникало.

Статья относилась к настолько старой и незначительной категории расходов, что отчётность по ней составлялась раз в год и уходила в почтовый ящик должности, упразднённой ещё в 2016-м.

В этом и был смысл.

С 2010 года в этом и состоял весь смысл.

Клэр выгрузила список транзакций и просмотрела его сверху вниз.

Потом ещё раз — теперь обращая внимание не на суммы, а на даты.

И тогда увидела.

Для неактивных центров затрат существовал порог.

Совокупные расходы за скользящий двенадцатимесячный период по статье, помеченной как неактивная.

Это был не механизм безопасности.

Обычный бухгалтерский контроль, придуманный примерно в 2004 году для выявления самого банального мошенничества — например, когда заместитель начальника отдела потихоньку платит своему шуруну за консультационные услуги.

Когда расходы по спящей статье превышали установленный порог, система автоматически формировала отчёт об отклонении.

Счета Merrow поступали ежемесячно.

Первые четыре спокойно оставались ниже порога.

Пятый, выставленный вечером в понедельник после того, как Нейсмит уехал в Инвернесс и отправился домой, перевёл BRACKENFIELD через границу.

Меньше чем на девятьсот фунтов.

Отчёт об отклонении система автоматически сформировала во вторник в 06:00.

Клэр откинулась на спинку кресла.

Потом она стала выяснять, куда этот отчёт ушёл.

На это потребовалось ещё сорок минут.

И это была вторая половина ответа.

И она оказалась хуже первой.

До 2019 года отчётность готовили внутри ведомства.

Теперь этим занималась Ardenne Business Services — компания, получившая рамочный контракт на общие услуги сразу для пяти министерств и работавшая в здании в Брэкнел-

ле, где сидело около двухсот сотрудников.

Ничего незаконного.

Провели конкурс.

Ardenne выиграла по цене и шесть лет выполняла работу вполне удовлетворительно.

Этот отчёт был одним из тысячи ста отчётов об исключениях, которые их система создавала каждый месяц. И если его вообще кто-нибудь читал, то, скорее всего, человек с зарплатой девятнадцать тысяч в год и очередью документов перед глазами.

Клэр открыла данные по Ardenne Business Services.

Она уже смотрела их раньше.

Компания полностью принадлежала Ardenne Group Holdings (UK) Limited.

Та полностью принадлежала промежуточной холдинговой компании, зарегистрированной в Люксембурге.

На третьем уровне владельцем значилась структура в Делавэре, о которой никто и никогда ничего не мог узнать.

Дальше Клэр не продвинулась прежде.

И не продвинется теперь.

Впервые она нарисовала эту структуру на листе бумаги весной 2023 года.

И с тех пор ничего не могла с ней сделать.

Итак.

Никто на неё не донёс.

Клэр осторожно перевернула эту мысль, потому что раз-

ница была принципиальной.

Человека можно найти.

Переместить.

Ввести в заблуждение.

Подсунуть ему информацию.

Систему можно только обойти.

А эту систему она не обошла.

Двадцать шесть лет в профессии — и её переиграл бухгалтерский порог, установленный рабочей группой Казначейства в 2004 году.

Во вторник в 06:00 машина заметила, что программа, закрытая в 2011-м, расходует деньги.

Во вторник в 15:40 двое мужчин расписались за Ford в аэропорту Инвернесса.

Девять часов сорок минут.

Вот что не давало ей покоя.

Клэр долго сидела над этой цифрой, потому что это была единственная по-настоящему содержательная информация, которой она располагала.

Девяти часов недостаточно, чтобы получить сообщение об аномалии, понять его значение, решить, что оно означает, передать наверх, получить решение, поставить задачу исполнителям и посадить двух человек в самолёт.

Этого едва хватало на последние два пункта.

Значит, предыдущие этапы уже были пройдены.

Кто-то заранее проявлял постоянный интерес к номеру

этой программы.

Или к ней.

Или к обоим.

У кого-то уже имелся заранее санкционированный механизм реагирования.

Всё было расставлено по местам.

Они просто ждали повода.

И она дала им этот повод за девятьсот фунтов.

Существовал и второй вывод.

Клэр записала его отдельно, потому что доказательств у неё не было и ей хотелось помнить именно это: доказательств нет.

Только предположение: те, кто действовал в четверг, не консультировались с теми, кто вёл наблюдение шестьдесят один день. Темперamentы не совпадают.

Она некоторое время смотрела на написанное.

Шестьдесят один день кто-то тратит деньги, чтобы ничего не делать.

А потом за девять часов сорок минут кто-то тратит деньги, чтобы не тратить время на размышления.

Это были разные люди.

Быстро.

Через подрядчиков.

За тремя корпоративными прослойками.

С полной готовностью устранить неопределённость, устранив её источник.

За одиннадцать лет Клэр не раз видела такой темперамент в действии.

Форму она представляла очень хорошо.

Имени для этой формы у неё не было.

Не знать *кто* — не означало не знать *что*.

Она записала и это.

Именно этими словами, которыми пользовалась всегда.

Потому что ещё в тридцать с небольшим поняла: самая дорогая ошибка, которую может совершить сотрудник разведки, — позволить сильному предположению за две недели незаметно превратиться в его памяти в установленный факт.

Ферье заказал столик в отеле на северной стороне Пэлл-Мэлл.

По субботам ресторан обслуживал постояльцев и немногочисленных гостей. Зал был наполовину пуст.

Когда Клэр вошла, Дуглас уже сидел за столом.

Перед ним стоял бокал с чем-то, а Financial Times была сложена на последней странице.

— Клэр. Очень любезно с твоей стороны.

— Дуглас.

Он спросил о её матери, умершей в 2021 году.

Клэр ответила, что всё по-прежнему.

Это было правдой.

Он ничего не заметил и перешёл к следующей теме.

Это тоже оказалось полезно.

Минут десять они обсуждали реорганизацию.

Ферье разбирался в вопросе и по большей части был точен. Жалобы у него тоже были на правильные вещи.

Он рассказал ей сплетню об одном постоянном секретаре, которую Клэр уже слышала из двух других источников и которая поэтому не имела никакой ценности.

В ответ она сообщила ему столь же бесполезную, но чуть более забавную сплетню.

Он рассмеялся.

Они сделали заказ.

Ферье взял ягнёнка.

— Ваших тоже затронет рационализация, — сказал он, когда принесли блюда.

— Я предполагала.

— Ничего драматического. В основном оптимизация недвижимости, которую нарядили в костюм пересмотра возможностей. Но есть мнение, что отделу по наследственным расследованиям незачем оставаться там, где он сейчас.

Он посолил мясо.

— Вас объединят. Скорее всего, с отделом исторического раскрытия информации.

— Под чьё руководство?

— Пока не решили.

— К тому моменту, когда кто-нибудь говорит «пока не решили», всё уже всегда решено.

Ферье улыбнулся своей тарелке.

— Команда Эшворта.

Клэр ничего не ответила.

Продолжила есть.

И думала о том, что в команде Эшворта тридцать один сотрудник, нет самостоятельного права ставить задачи и она подчиняется директору, который подчиняется совету, где сидит человек, утвердивший контракт с Ardenne в 2019 году.

При такой структуре каждое расследование, которое сейчас попадало к Клэр на стол нераспечатанным, будет приходить уже открытым.

— Есть ещё одна вещь, — сказал Ферье минуты через четыре таким тоном, словно внезапно вспомнил о поручении. — Финансисты что-то обнаружили в отчётах об исключениях. Активность по спящей статье. Восемьдесят восемь четырнадцать.

Клэр съела кусочек картофеля.

Проглотила.

— BRACKENFIELD, — сказала она. — Да. Моё.

— А. Понятно.

Он выглядел довольным.

Или был действительно доволен, или очень хорошо это изображал.

— Тогда вопрос закрыт. У них там не было имени, а такое попадает в список.

— Остался один незакрытый вопрос после завершения программы. Четыре года собиралась им заняться и наконец занялась. Обошлось дороже, чем я себе обещала.

Она потянулась за водой.

— В понедельник оформлю окончательное закрытие, статья исчезнет, и вы все сможете перестать обо мне беспокоиться.

— В понедельник, — повторил Ферье.

Возникла пауза.

Очень короткая.

Столько времени требуется человеку, чтобы решить, говорить что-то или нет.

Она продлилась чуть дольше одного вдоха.

Не больше.

Потом Ферье сказал:

— Ну и хорошо. Аккуратно закрыли.

И спросил, хочет ли она десерт.

Клэр зафиксировала паузу именно как то, чем она являлась:

полсекунды, которым у неё не было объяснения и которые она пока не могла потратить.

Они поговорили о его сыне.

А потом, уже за кофе, совершенно непринуждённо Ферье спросил:

— Шестьдесят один день, кажется?

Клэр не пошевелила руками.

— Примерно.

— Долговато для проверки старого незакрытого вопроса.

— Они всегда такие, — сказала Клэр. — Поэтому их ни-

кто никогда и не закрывает.

После обеда она пошла пешком.

От Пэлл-Мэлл через парк, потом вдоль реки.

Ни разу не оглянулась.

Потому что ничего не могла этим выиграть и очень многое могла потерять, если кто-нибудь заметит, что она проверяется.

Шестьдесят один.

В отчёте об отклонении указывались центр затрат, совокупная сумма, сравнительный период и ссылка на поставщика.

Описания там не было.

Описание удалялось на двух промежуточных уровнях ещё до того, как информация попадала в ведомственную систему.

Клэр сама выстроила схему именно так в 2011 году и с тех пор дважды проверяла её.

Последний раз — в июне.

Количество дней стояло в счёте Merrow.

Счёт Merrow уходил брокеру в Слау.

Сюда он не поступал.

Следовательно, Дуглас Ферье либо видел то, чего ему никогда не отправляли, либо ему рассказал тот, кто видел, либо он забрасывал удочку, имея число, которое ему дали специально, чтобы посмотреть, как отреагирует её лицо.

Иного варианта не существовало.

Клэр искала его на всём протяжении Бёрдкейдж-Уок.

Не нашла.

Но с собой она унесла ещё одну вещь.

И именно она не давала покоя.

Ферье ничему не удивился.

Ни тому, что Клэр признала статью своей.

Ни размеру расходов.

Ни её предложению закрыть её.

Когда человеку дают прямой ответ на неудобный вопрос, он обычно испытывает хотя бы небольшое облегчение.

Ферье был доволен.

Это не одно и то же.

А удовольствие в том разговоре могло иметь только один источник:

ответ он уже знал.

Он пришёл выяснить, даст ли его Клэр.

Она дала.

И поступила правильно.

Статья действительно принадлежала ей.

Отрицание обошлось бы дороже, чем могло принести.

За тем столом она солгала ему один раз.

За кофе, всё тем же непринуждённым тоном, он спросил, ведёт ли она сейчас что-нибудь в поле.

Клэр ответила:

— Нет.

Сказала легко.

Убедительно.

И если в понедельник он спросит снова, в понедельник она снова ответит то же самое.

Квартира находилась на последнем этаже старого многоквартирного дома в Пимлико и раньше принадлежала её матери.

Мебели там до сих пор было слишком много.

Клэр заварила чай.

Достала из шкафа в прихожей ноутбук — восьмилетний Latitude, который никогда не подключался ни к какой сети и никогда не подключится.

Села за стол возле окна.

Свет за стеклом уходил.

У книги Excel не было названия.

В ней было одиннадцать вкладок.

Названий у вкладок тоже не было.

Только даты.

Самая ранняя — 2013 год.

Если смотреть трезво, документ был смертельно скучным.

Платежи.

Аренда.

Рамочные контракты.

Чартерные рейсы.

Гонорары.

Консультационные договоры с компаниями, где числились два сотрудника и был лишь адрес для пересылки почты.

Ежеквартальная плата за обслуживание здания, которая без перерыва перечислялась с 2013 года, хотя Корона продала это здание в том же 2013-м.

Ничто из этого ничего не доказывало.

Почти всему можно было найти невинное объяснение.

И для большинства пунктов Клэр сама вписала такое объяснение в поле примечаний — собственными словами.

Чтобы каждый раз, открывая таблицу, ей приходилось сначала опровергнуть именно его.

Всё её преимущество — единственное основание, на котором держалась эта работа, — заключалось не в том, что она умела видеть закономерность.

Четырнадцать лет она просидела в комнате, куда отправляли умирать забытые программы.

И поэтому знала — так, как знали, возможно, ещё четыре человека во всей стране, — каких бумаг вообще не должно существовать.

Здание, которым никто не владеет, но которое кто-то продолжает обслуживать.

Программа, закрытая документом, который Клэр читала собственными глазами, — и документ с номером той же программы, появившийся через одиннадцать месяцев после её закрытия.

Гонорар, выплаченный в 2017 году человеку, умершему в 2015-м.

Она работала два часа.

Сначала проверила финансовый канал, открытый четвёртого сентября, и проследила его через все уровни до источника.

С BRACKENFIELD он не соприкасался.

И ни с чем, что находилось бы от неё ближе чем в четырёх шагах.

Клэр проверила ещё раз.

Потому что в первый раз сделала это слишком быстро.

Проверила квартиру в Кеннингтоне.

Договор аренды относился совсем к другой закрытой программе, числился там с 2011 года, а платежи шли через управляющую компанию, уверенную, что помещение снимает языковая школа.

Потом она проверила ещё одиннадцать вещей.

Одну за другой.

Когда закончила, на улице уже стемнело, чай остыл, а Клэр установила следующее:

из всего, чем она пользовалась, видимой оказалась только одна статья.

И именно та, к которой она привязала имя человека.

Около восьми она открыла четвёртую вкладку.

Единственную, где речь шла не о деньгах.

Четыре столбца.

Дата.

Место.

Имя — если имя было известно.

Примечание.

Тридцать одна строка.

Она хранила эту вкладку не потому, что та приносила оперативную пользу.

На самом деле это был самый опасный предмет из всего, чем Клэр владела.

Дважды она сидела в этом же кресле, наведя курсор на файл.

И дважды решала не нажимать Delete.

Ни разу она так и не смогла сформулировать причину, которая удовлетворила бы какой-нибудь совет директоров.

Клэр добавила строку.

30 окт. Ассинт, Сатерленд. 2, личности не установлены. Контрактники, не штат. Не мои.

Некоторое время она смотрела на последние два слова.

Потом оставила их.

Потому что они были правдой.

И потому что запись *не мои* без всякого продолжения была именно той фразой, которую пишет человек, желающий потом снова её прочитать и испытать определённое чувство.

Клэр это не интересовало.

Она дописала:

Следствие BRACKENFIELD 8814. Мои.

Потом вернулась наверх.

Применила фильтр, которым часто пользовалась.

Всё, что было раньше 2018 года, исчезло.

Ушли одиннадцать строк.

Вместе с одной датой в июне пять лет назад и двумя словами в поле примечаний.

Клэр продолжила работу.

Берлин находился во второй вкладке.

Там он лежал с 2021 года.

Она её не открыла.

Ничего нового там не было.

Уже четыре года.

Вкладка содержала три строки.

Первая: итоговый отчёт по операции был закрыт на уровне директора за девять дней — быстро, но не беспрецедентно.

Вторая: Клэр дважды запрашивала медицинское приложение — в 2021-м и снова в 2023-м.

Третья: оба раза ей ответили, что никакого медицинского приложения в архиве нет.

Второй отказ пришёл из другого управления, не того, что прислало первый.

Вчера она спросила Лиаму потому, что бумаги закончились.

Вот и всё.

Пять лет она пыталась понять, что сделали с человеком, читая документы, которые ей отказывались показывать.

И в конце концов стояла в дверях квартиры в Кеннингтоне, наполовину надев пальто, и спросила легко, словно речь

шла о колене.

Потому что стоило спросить иначе — и он захлопнулся бы, как дверь.

Он ответил:

нет.

Она смотрела, как он это говорит.

И не смогла понять.

Примерно за полторы секунды Клэр решила не давить.

Он двое суток почти не спал.

На лице у него был четырёхдюймовый порез.

Весь день он переписывал форматы сигналов с сосредоточенностью человека, который за что-то держится.

Минуту или две Клэр думала о нём.

Он доехал до Авимора.

А потом не сел там на поезд.

Она знала, что он сделает что-нибудь подобное.

И всё равно, узнав, что именно так он и поступил, испытала удовлетворение.

Не профессиональное.

Разбираться в нём Клэр не стала.

И ещё она поднялась по той дороге в сентябре, зная, что это с ним сделает.

Всё равно поднялась.

Теперь на том уступе больше не было дома.

И ещё до начала Клэр понимала, что, скорее всего, дома там не останется.

Она вернула человека, построившего себе маленькую жизнь, в которой можно было выжить, обратно внутрь механизма, который эту жизнь у него отнимет.

Сделала это сознательно.

И если бы пришлось снова выбирать, располагая теми же сведениями, поступила бы точно так же.

Потому что другой вариант означал оставить его в Сатерленде чинить ворота до тех пор, пока кто-нибудь всё равно не поднимется по дороге.

Только никто не предупредит его, что они идут.

Обе вещи были правдой.

Некоторое время назад Клэр перестала требовать, чтобы две правды обязательно удобно уживались друг с другом.

Без двадцати десять она занялась последним пунктом списка.

Обычной уборкой.

И именно поэтому обнаружила это.

У неё имелись четыре транзакции из адриатической структуры и одно здание.

Три из четырёх платежей сходились на казино.

Два потом выходили обратно — уже как совершенно законные деньги на побережье.

Четвёртый был самым полезным.

Потому что повторялся.

Расчёт проходил в последний банковский день каждого месяца.

Четырнадцать месяцев подряд.

Клэр собиралась дожидаться конца октября и использовать очередной платёж, чтобы дать Лиаму дату, направление и — если повезёт — имя.

Она открыла запись, не ожидая увидеть ничего до пятницы.

Структура счетов была ликвидирована.

Это произошло в четверг.

Две компании закрыты.

Одна перерегистрирована в другой юрисдикции.

Расчётная схема прекращена без последнего платежа.

Всё сделано за один день через агента в Никосии людьми, у которых документы явно были подготовлены заранее и ждали своего часа.

Четверг.

Клэр сидела совершенно неподвижно, положив руку на стол.

В четверг утром двое мужчин поднялись по склону в Сатерленде между четырьмя и шестью.

В четверг — в час, который Клэр никогда не установит, — кто-то закрыл единственный финансовый маршрут, который у неё оставался к тому участку побережья.

Закрыл чисто.

Не допустив ни одной ошибки.

Потому что за ними никто не наблюдал.

Кроме неё.

Это были не два решения.

Это было одно решение с двумя ветвями.

Одна ветвь провалилась на мокром склоне, потому что человек заметил, как поднялись его овцы.

Вторая прошла до конца.

И никто даже не прикоснулся к ней.

Клэр подсчитала цену.

Она сказала Лиаму: пять дней.

Синяку действительно требовалось пять дней.

И синяк был прав.

Если провести Лиама через границу в понедельник с таким лицом, четыре секунды его изображения останутся в системе до конца жизни.

Значит, в путь он отправится не раньше среды.

В стране будет в четверг или пятницу.

К тому времени всё, что ещё осталось от схемы Meridian, получит целую неделю на зачистку людьми, которые в четверг уже доказали, что способны зачистить всё за один день.

Пять дней могли стоять им единственной нити.

Она могла позвонить ему прямо сейчас.

Он находился в двух милях отсюда.

Почти наверняка не спал.

Сидел на полу квартиры, разложив на ковре одиннадцать фотографий.

И вот что она могла ему сообщить:

структура ликвидирована — она обнаружила это девяно-

сто минут назад;

предположение об одном решении с двумя ветвями — доказать его она не могла;

полсекунды за обеденным столом;

и число, произнесённое человеком за кофе, хотя знать этого числа он не должен был.

Четыре вещи.

Из которых Клэр могла твёрдо обосновать ровно одну.

Она точно знала, что сделает с ними Лиам.

Потому что сама одиннадцать лет воспитывала в нём эту привычку.

Он возьмёт все четыре.

Придаст им одинаковый вес.

И в понедельник отправится в путь с лицом, которое камера в Подгорице будет хранить до 2039 года.

Клэр долго сидела, оставив курсор в ячейке.

Потом закрыла книгу.

Убрала ноутбук обратно в шкаф в прихожей.

Легла в постель.

И в темноте стала решать, что из всего этого она сможет твёрдо обосновать к воскресенью после обеда.

Глава седьмая

Сесил-Корт

Воскресенье оказалось худшим из пяти дней.

В семь он сделал упражнения, дважды по памяти записал формат эвакуации, перечитал одиннадцать фотографий до состояния, когда в них уже нечего было читать, и к десяти утра в квартире не осталось ни одного законного занятия, а впереди лежали восемь часов дневного света, которые надо было куда-то деть.

Он некоторое время рассматривал синяк в зеркале ванной.

Полоски сняли в субботу. Порез затянулся и превратился в выпуклую багровую линию, уходившую под скулу. Отёк спал, а цвет начал медленное уродливое движение через зелёный к жёлтому — ещё минимум неделя.

Она была права.

Человек с таким лицом проходит через границу и навсегда остаётся в системе.

Он заварил чай и не выпил его.

Почистил оружие, которое и так было чистым.

В половине двенадцатого вышел и пошёл пешком, потому что пять лет спокойно умел сидеть без дела, а за последние

шесть дней, похоже, разучился.

Она пришла в четыре с полиэтиленовым пакетом и картонной папкой.

— У меня три вещи, — сказала она ещё до того, как сняла пальто. — Одну могу доказать. На вторую поставила бы деньги. А третью не позволю тебе считать фактом. По ходу буду говорить, что есть что.

Она положила папку на стол и не открыла.

— Первое. Я знаю, как они тебя нашли.

Говорила ровно.

— Наблюдение оплатили через спящую бюджетную статью, которая не использовалась с 2011 года. У таких статей есть порог расходов. Это бухгалтерский контроль, не безопасность — его ввели лет двадцать назад, чтобы ловить начальников отделов, которые платят своим шуринам за консультации. Пятый счёт Merrow пришёл вечером в понедельник и вывел статью за порог примерно на девятьсот фунтов. Во вторник в шесть утра система автоматически сформировала отчёт об отклонении.

Лиам обдумал.

— И куда уходит отчёт?

— Подрядчику по общим услугам в Брэкнелле. Они выпускают примерно тысячу сто таких отчётов в месяц. Ничего незаконного. Провели конкурс, они выиграли, с 2019 года делают работу достаточно нормально.

Она повернула кружку на столе.

— Владение идёт через британский холдинг, потом Люксембург, потом Делавэр. Там след обрывается. И обрывался каждый раз, когда я пыталась пройти дальше, начиная с 2023 года.

— Девять часов сорок минут, — сказал Лиам.

— Уже посчитал.

— С шести утра до стойки проката в Инвернесе.

— Вот это и важно. И это единственная по-настоящему полезная вещь, которая у меня есть. Девяти часов недостаточно, чтобы получить сообщение об аномалии, понять его, решить, что оно означает, передать наверх, получить решение и посадить двух человек в самолёт. Этого едва хватает на последние два действия. Значит, всё до них было сделано заранее. Кто-то постоянно следил за номером этой программы и заранее имел механизм реагирования. Всё уже стояло готовым и ждало повода.

Она чуть наклонилась вперёд.

— Я дала им повод за девятьсот фунтов.

Последнюю фразу она произнесла как сухой факт о системе и продолжила:

— Второе. Финансовый маршрут в Черногорию исчез.

— Исчез?

— Его ликвидировали в четверг. Две компании закрыли, одну перерегистрировали, регулярный расчёт прекратили без последнего платежа. Всё за один день, через агента в Никосии. Документы явно лежали готовые заранее.

Она развела руками.

— Это я могу доказать. Регистрационные документы у меня есть. А вот вывод — и это именно вывод, держи его только как вывод — такой: четверг был одним решением с двумя ветвями. Одна ветвь поднялась к тебе по дороге и провалилась, потому что ты заметил, как встали овцы. Вторая закрыла деньги, и никто до неё не дотронулся.

— Значит, казино умерло.

— Казино — это здание. Здания не двигаются. Исчезла схема, по которой я собиралась дать тебе дату и направление.

Она не смягчала.

— Это не убивает след. Но значит, что к твоему приезду его уже неделю будут чистить. А к тому моменту, когда ты сам будешь в нормальном состоянии, — две недели.

— Тогда мне надо ехать сейчас.

— Не надо. И второй раз я этот спор вести не буду.

Она не повысила голоса.

— Третье. Это уже то, что я не готова ставить на ноги как факт. В субботу я обедала с человеком, у которого была цифра, которой у него быть не должно.

— Не сумма.

— Нет.

— Количество дней.

— Шестьдесят один.

— Шестьдесят один. В отчёте об отклонении есть центр затрат, совокупная сумма и ссылка на поставщика. Продол-

жительности там нет, потому что описание снимается на двух уровнях ещё до попадания в ведомственную систему. Эту схему я сама проектировала в 2011 году и в июне проверяла снова.

Она откинулась на спинку.

— Значит, либо он видел то, чего ему не отправляли, либо ему рассказал тот, кто видел, либо ему специально дали число, чтобы он положил его на стол и посмотрел на моё лицо. Я не знаю, какой вариант правильный, и при тебе гадать не собираюсь.

— Имя?

— Нет, — сказала Клэр. — Не потому что не доверяю. Потому что ты понесёшь его с собой. А там тебе придётся нести ещё четыре вещи, и если выяснится, что это просто человек, которого используют люди, которых он никогда не видел, ты потратишь на него внимание зря. Если имя превратится в доказательство, оно будет у тебя через час.

Она встала, наполнила чайник и стояла к нему спиной, пока тот шумел.

— Есть одна проблема, которую я не могу решить.

— Какая?

— Реестровый штамп.

— Ты сказала его не трогать.

— В пятницу. Когда я думала, что у меня есть системы, где можно тихо задавать вопросы.

Она повернулась.

— Теперь не думаю. Одна моя статья оказалась видимой. Все остальные я проверяла все выходные. Одиннадцать раз. И всё равно не могу доказать отрицательное. С этого момента надо считать, что любой электронный запрос может быть виден кому-то ещё. А вопрос о реестровом обозначении — именно тот вопрос, который сразу показывает, что я ищу.

— Значит, оставляем.

— Значит, ищем на бумаге. Через человека, которого нет ни в одной системе.

Она подняла пакет на стол.

— Бернард Дойл. Тридцать пять лет в реестре, ушёл в 2009-м. Я работала с ним с девяносто восьмого примерно до две тысячи третьего. У него половина букинистической лавки в Сесил-Корт, и он бывает там по понедельникам, средам и пятницам.

Она достала из пакета мягкую книжку с ценой, написанной карандашом на форзаце.

— Это из его магазина. Принеси и спроси, сколько он тебе даст за неё. Скажи, что от меня. Тогда он поймёт, что действительно от меня, а не от кого-то, кто просто назвал моё имя.

— Что он знает?

— О Zero Point? Ничего. Никогда о нём не слышал и никогда не услышит.

Она сделала паузу, подбирая следующую формулировку точно.

— Бернард не знает секретов. Он знает бумагу. Как она двигалась. Кто ставил на учёт. Какой отдел каким штампом пользовался. Как выглядел список рассылки в девяносто четвёртом. Почему номер документа продолжает жить одиннадцать месяцев после закрытия программы. Совершенно устаревшая разновидность разведки. Таких людей, наверное, осталось в живых с десятков. И я хочу, чтобы штамп из коронерского дела твоей сестры увидел один из них.

— Условия?

— Ничего не регистрирует, ничего не запрашивает через государственные системы и никому не звонит с вопросами. И ни в коем случае не идёт по инициалам.

Она посмотрела на него.

— Повтори последнее.

— Не ищет человека.

— Инициалы — это человек. Обозначение — мебель. За вопрос о том, что означал резиновый штамп, ещё никого в истории не убивали.

Она взяла кружку.

— Дай ему штамп и период. Пусть скажет, что делала бумага. Всё.

Последним она положила перед ним папку.

— Это Берлин.

Лиам не прикоснулся.

— Итоговый отчёт, оба приложения, документ о закрытии. У меня с 2021 года. Читала сто раз. Там ничего нет, и

я хочу, чтобы ты слышал: я именно это и имею в виду. Четыре года я не смогла вытащить из этой папки ничего.

Она на секунду положила ладонь на обложку и убрала.

— Давая её тебе сейчас, я наконец поняла, в чём моя проблема. Я читаю учреждения. Кто подписал, кого поставили в копию, насколько быстро пошёл документ. По этим параметрам это совершенно обычное дело, закрытое за девять дней — быстро, но этим всё и исчерпывается.

— А Дойл читает документы.

— Дойл читает документы.

Она встала и надела пальто.

— Скорее всего, там ничего. Но раз уж ты будешь сидеть в магазине с человеком, который всю жизнь определял, где побывал предмет, по отметкам на нём, не использовать это было бы глупо.

У двери она сказала:

— Среда. Маршрут у меня будет. И я хочу, чтобы к тому времени синяк был жёлтым.

А потом, уже держась за защёлку:

— Бернард должен быть дома к шести. Его жене недавно сделали операцию на бедре, он готовит ужин. Не задерживай.

В понедельник утром Сесил-Корт представлял собой метров пятьдесят викторианских витрин между Чаринг-Кросс-роуд и Сент-Мартинс-лейн.

Пешеходная улица.

Фальшивые газовые фонари посередине.

Позолоченные буквы на стекле.

Для того, чем он собирался заниматься, хуже места придумать было трудно.

Он понял это ещё до того, как свернул туда.

Машин нет.

Вход и выход по сути один, оба на оживлённые улицы.

У каждого магазина окно на дворик, и в девяти из двенадцати за прилавком сидел человек, чья работа весь день состояла в том, чтобы поднимать глаза всякий раз, когда открывается дверь.

Четыре камеры он увидел сразу.

Пятая стояла у выхода на Чаринг-Кросс-роуд и просматривала всю длину улицы.

Он дважды прошёл её насквозь — в десять восемь и в десять двадцать, с разных сторон.

Потом полчаса просидел в кафе на Сент-Мартинс-лейн, не глядя ни на что конкретное.

Без пяти одиннадцать вошёл.

Магазин назывался Aldworth & Doyle.

Пахло бумагой и газовым отоплением.

Одна длинная узкая комната.

Полки от пола до потолка.

Передвижная лестница.

Посередине стол с плоскими коробками гравюр.

У дальней стены прилавков, а за ним мужчина в кардигане что-то записывал карандашом на карточке.

Невысокий.

Аккуратный.

Семьдесят один год.

Слуховой аппарат в левом ухе.

Очки на шнурке.

Он поднял глаза поверх оправы, и выражение лица не изменилось вообще.

С учётом состояния щеки Лиама это было немалым достижением.

Лиам положил книгу на прилавок.

— Сколько дадите?

Дойл взял её, открыл форзац, посмотрел на карандашную цену в углу — написанную его собственной рукой — и положил обратно.

— Фунта на четыре меньше, чем продал.

Он посмотрел на Лиама.

— Значит, Клэр.

— Клэр.

— Ну что ж.

Дойл отложил карандаш, снял очки и двумя пальцами потёр переносицу.

— Тогда лучше пройдем назад.

Кабинет был примерно шесть на девять футов.

Чайник.

Стол.

Старый монитор.

И ряд полок, где не было вообще ничего пригодного для продажи.

Бежевые, серые и тёмно-синие корешки.

Издания канцелярии.

Служебные справочники.

Ведомственные отчёты.

Пятьдесят лет Civil Service Year Book.

— Распродажи после смерти, — сказал Дойл, заметив его взгляд. — Половина торговли на этой улице — библиотеки покойников. Никому эта полка не нужна. Я держу её, потому что раз в полтора года приходит кто-нибудь и хочет узнать, что означала отметка или какую должность занимал человек с такой подписью. И я единственный к югу от реки, кто способен сказать.

Он сел.

— Беру сто двадцать фунтов в час. С тебя ничего. Клэр знала это, когда отправляла. Показывай.

Лиам положил на стол фотографию страницы из журнала коронера, снятую под углом на телефон в задней комнате в Хексеме.

Дойл надел очки и подвинул лампу.

Некоторое время молчал.

Потом спросил:

— Откуда?

— Дело коронера. Нортумберленд.

— Полное дело? Обычное? Полицейский пакет, показав-

ния, всё?

— Да.

— Так.

Он чуть откинулся, и в лице что-то изменилось.

Не возбуждение.

Удовольствие человека, которому наконец дали задачу точно из его области.

— Для начала: это не номер дела. Все думают, что номер. Номер ставится в прямоугольнике на первом листе, справа сверху, и остаётся с делом навсегда. А это овал в поле внутренней страницы.

Он указал.

— Отметка о приёме. Значит, чей-то реестр принял этот лист, зарегистрировал и потом выпустил обратно.

— Чей реестр?

— Дай минуту. Ты два года ждал.

Он повернул фотографию к свету.

— Четыре цифры над тремя буквами. Цифры — порядковый номер за календарный год. Значит, это три тысячи сто семнадцатый объект, зарегистрированный в том году. Кстати, реестр небольшой. Большой к марту уже уходит в пятизначные числа. Буквы — обозначение реестра. Именно реестра, не программы. Я лет девять жизни потратил, объясняя людям эту разницу.

Он встал, подошёл к полке и вернулся с тонким серым блокнотом на спирали.

Handbook of Registry Practice, 1998.

Открыл приложение и провёл пальцем по двум страницам трёхбуквенных сокращений.

— LPI. Вот.

Он прочитал:

— Liaison, Programmes and Interdepartmental.

— Что это?

— Приёмный реестр. Не хранилище — собственных дел у него не было. Его функция была фиксировать документы, переходящие через границы. Между программными управлениями. Или между программой и чем-то вне ведомства. Если бумага пересекла линию, кто-то должен был иметь возможность потом сказать: одиннадцатого получили, двенадцатого передали. Чтобы, когда всё развалится, оставалась цепочка.

Он чуть пожал плечами.

— Невероятно скучно. Совершенно необходимо.

— Когда его закрыли?

— Этого не скажу.

Он закрыл книгу и положил ладонь сверху.

— Это расписание за 1998 год. Самое позднее, которое у меня есть. Реестры постоянно объединяют и переименовывают. Но вот что важно: обозначение часто переживает структуру. Штамп — физическая вещь. Заказывать новый стоит денег, менять буквы — значит ломать последовательность. Поэтому при поглощении подразделения преемник

часто сохраняет старые три буквы и продолжает.

Он снова посмотрел на строку.

— В 1998-м LPI означало Liaison, Programmes and Interdepartmental. Что эти буквы означали в 2014-м, я действительно не знаю. Если скажу — буду сочинять.

— Тогда что означает штамп на этой странице?

Дойл снова снял очки.

— То, что кто-то в программной цепочке держал этот лист в руках. Это не толкование. Для этого и существует отметка.

— Это мог быть полицейский штамп?

— Нет.

— А офис коронера—

— Нет. У коронеров нет реестров. У коронеров есть шкаф и женщина по имени Гейл.

Он поднял руку.

— Но давай правильно. Тебе нужны альтернативы до ответа.

Он загнул палец.

— Первое. Клерк регистрирует сорок документов, берёт не тот штамп. Бывает. Но неправильный штамп всё равно остаётся штампом Уайтхолла. Значит, бумага всё равно была в Уайтхолле.

Второй палец.

— Второе. Это более поздняя отметка. Допустим, кто-то исследует дело в 2019-м, оно пересекает границу, его регистрируют. Но дело коронера никуда из офиса коронера не

уходит. В полицию — да. Семье — да. В ведомство — нет.
— Третье?

— Третьего нет.

Сказал без всякого драматизма.

— Нет законного маршрута, по которому страница журнала коронера в Нортумберленде получает межведомственную реестровую отметку. Так не бывает. Я занимался этим тридцать пять лет. Не бывает.

Лиам посмотрел на фотографию.

— Значит, в какой-то момент дело стало материалом программы.

— В какой-то момент эта страница находилась в пакете, который пересёк границу и был зарегистрирован при переходе. Что это был за пакет — не скажу. Но у кого-то в программном офисе он был. Чей-то реестр это записал. Потом бумага ушла дальше со штампом, по дороге дважды была откопирована, попала в зелёную коробку в Хексеме и пролежала там два года.

Он слегка пожал плечами.

— Никто не заметил. Никто никогда не замечает.

После обеда занялись Zero Point.

Час работы дал две страницы.

Лиам сообщил обозначение и период.

Больше ничего.

Дойл не спросил, откуда взялось название, и Лиам это отметил.

— В закрытую программу я не попаду, — сказал Дойл. — Никто не попадёт. И никогда не мог. Но программы протекают в стороны — в опубликованные вещи. Потому что закупки публикуются и всегда публиковались. А люди, которые редактируют закупки, вымарывают имена. Коды затрат не вымарывают. Для редактора код затрат не информация. Мебель.

Он работал на компьютере магазина, через обычный интернет, в открытых архивах тендеров.

Медленно.

Методично.

И заставил Лиам сидеть и ничего не трогать.

Нашли в двадцать минут третьего.

Рамочное объявление о закупке, опубликованное в 2013 году.

Заказчик — ведомство, не обозначенное никак существенно.

Пять лотов.

Обслуживание жизненного цикла аппаратных модулей безопасности.

Подготовка устройств и обращение с ключевым материалом.

Поддержка прошивок.

Защищённая утилизация.

И один раз в колонке кода затрат — не вымаранная шестизначная ссылка и обозначение открытым текстом.

Дойл распечатал страницу и положил между ними.

Некоторое время молчал.

— Значит, это реально существовало, — сказал Лиам.

— Реально существовало настолько, что в 2013 году покупало реальные услуги у реальных компаний. Был конкурс. И кто-то вписал название в клеточку, которую никто не читает.

Дойл провёл пальцем вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.